

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКІЙ.

ЯКОВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

ТОЛСТОЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Съ приложеніемъ портрета.

ЯКОВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

ТОЛСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39
1899.

Яковъ Николаевичъ Толстой.

(Биографическій очеркъ) ¹⁾.

къ обширному кругу лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться на жизненномъ пути А. С. Пушкину, принадлежит и Яковъ Николаевичъ Толстой, которому Пушкинъ посвятилъ свое прекрасное стихотвореніе — «Стансы», относящееся къ 1819 году.

Личность Я. Н. Толстого, могущая возбудить вполне понятный интересъ уже по одному этому стихотворенію, оставалась до сего времени въ полной неизвѣстности. Авторъ предлагаемаго очерка задался цѣлью выяснить, по возможности, черты жизни и характера этого, по выраженію Пушкина, «ранняго философа». Оказалось, что Я. Н. Толстой заслуживаетъ биографическаго очерка и не по одному отношенію къ Пушкину, что его жизнь и дѣятельность стоятъ того, чтобы поговорить объ нихъ подробнѣе. Поэтому, первоначальныя узкія рамки, въ которыхъ предполагалось держаться при началѣ работы, незамѣтно расширились до солидныхъ размѣровъ.

Я. Н. Толстой былъ старшимъ изъ трехъ сыновей богатаго тверскаго помѣщика Николая Яковлевича Толстого отъ брака его съ Алевтиной Ивановной, рожденной Кудрявцевой ²⁾. Н. Я. Толстой, по своему рожденію и связямъ, принадлежалъ къ высшему кругу русскаго общества и былъ одно время оставковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ этомъ званіи онъ и умеръ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, 19-го октября 1813 г. ³⁾, оставивъ женѣ

¹⁾ Оригиналъ приложеннаго при настоящей статьѣ портрета Я. Н. Толстого, написаннаго въ Парижѣ Heigel'емъ въ 1834 г., былъ обязательно сообщенъ на Пушкинскую юбилейную выставку въ Академіи наукъ М. С. Толстой и воспроизведенъ въ „Альбомѣ“ этой выставки (С.-Пб 1899, табл. № 34).

²⁾ В. В. Руммель. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. т. II, С.-Пб. 1887 г. стр. 503. Жена Н. Я. здѣсь ошибочно названа Алевтиной Павловной.

³⁾ Архивъ Департ. герольдіи. Чинопроизводныя дѣла за 1813 г., №№ 60 и 86.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 октября 1899 г.

довольно солидныя помѣстья въ Тверской и Новгородской губерніяхъ съ 3.350 душами крестьянъ ¹⁾).

Яковъ Николаевичъ родился въ 1791 году ²⁾. Сначала онъ воспитывался въ частномъ пансіонѣ, а на двѣнадцатомъ году былъ отданъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ одновременно съ нимъ учились и два его брата: Иванъ Николаевичъ, умершій въ 1854 г. сенаторомъ, и Николай Николаевичъ, бывшій тверскимъ предводителемъ дворянства и скончавшійся въ 1872 г. ³⁾. Пробывъ въ корпусѣ пять лѣтъ, Яковъ Николаевичъ 20-го ноября 1808 г. былъ произведенъ въ прапорщики, но уже черезъ два года (31-го декабря 1810 г.) вышелъ въ отставку «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ». Въ это время онъ, по собственному выраженію, «на всякій случай» выдержалъ экзаменъ при Главномъ педагогическомъ институтѣ ⁴⁾. Но новыми правами, приобретенными экзаменомъ, Толстому не пришлось воспользоваться ⁵⁾, такъ какъ съ началомъ Отечественной войны онъ снова поступилъ въ военную службу (9-го апрѣля 1812 г.) и, опредѣленный въ Мингрельскій пѣхотный полкъ, сразу же отправился въ дѣйствующую армію. Онъ участвовалъ, между прочимъ, въ сраженіи противъ саксонскихъ войскъ подъ Кобриномъ (15-го іюня 1812 г.) и въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ польскихъ войскъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 г., за чтѣ 23-го мая получилъ орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, вскорѣ таковой же безъ банта и 16-го октября 1814 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Павловскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Л. О. Роту, извѣстному впоследствіи по своей дѣятельности въ Турецкую войну 1828—1829 гг. 27-го января 1817 г. Яковъ Николаевичъ былъ опредѣленъ въ должность старшаго адъютанта къ Арс. Андр. Закревскому ⁶⁾, бывшему въ то время дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба.

Занявъ довольно видное мѣсто по службѣ, обладая вліятельными родственными связями и хорошимъ состояніемъ, Толстой вскорѣ же во-

¹⁾ Формуляръ Я. Н. Т. за 1849 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ братьевъ, у Я. Н. было еще пять сестеръ, изъ которыхъ одна, Прасковья Николаевна, была матерью Николая Арсеньевича Жеребцова, виленскаго губернатора и писателя по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ.

⁴⁾ Архивъ Мин. нар. просвѣщенія, д. № 128. 221. Письмо Я. Н. къ В. Д. Комовскому изъ Парижа отъ 1/13-го іюня 1841 г.

⁵⁾ Держать этотъ экзаменъ при переходѣ въ статскую службу заставилъ Якова Николаевича извѣстный указъ 6-го августа 1809 г., проведенный Сперанскимъ. По этому указу чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника можно было получать не иначе, какъ имѣя дипломъ объ окончаніи университетскаго курса.

⁶⁾ Свѣдѣнія о службѣ Я. Н. заимствуются изъ его формулярнаго списка.

шелъ въ высшій кругъ петербургскаго общества. Къ этому-то времени (1817 г.) и относится знакомство Якова Николаевича съ юнымъ Пушкинымъ, который по выходѣ изъ лицея сталъ съ жадностью предаваться всевозможнымъ развлечениямъ и удовольствіямъ въ свѣтскомъ и товарищескомъ кругу. Встрѣча ихъ произошла, вѣроятно, въ томъ кружкѣ молодыхъ повѣствъ, который собирався у братьевъ Н. В. и А. В. Всеволожскихъ и носилъ названіе «Зеленой Лампы». Пушкинъ не замедлилъ примкнуть къ нему. Кружокъ этотъ, собиравшійся, главнымъ образомъ, для веселаго и пріятнаго времяпрепровожденія, былъ не лишень, однако, и нѣкотораго литературнаго оттѣнка. Члены его были, по большей части, люди, занимавшіеся литературой и живо интересовавшіеся театромъ. Самъ не чуждый ни тому, ни другому, Яковъ Николаевичъ успѣшилъ сдѣлаться членомъ «Зеленой Лампы». Участниками собраній этого общества были представители богатой свѣтской молодежи, прожигавшей жизнь. Изъ нихъ намъ извѣстны, кромѣ братьевъ Всеволожскихъ, еще слѣдующіе: офицеръ л.-гв. Егерскаго полка Дм. Ник. Барковъ, много писавшій для театра; офицеръ генеральнаго штаба М. А. Щербининъ ¹⁾; лейбъ-уланъ Фед. Фил. Юрьевъ; В. В. Энгель-

¹⁾ Личность Михаила Андреевича Щербинина, которому Пушкинъ (какъ и многимъ другимъ членамъ „Зеленой Лампы“) написалъ (1819 г.) посланіе: Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ... и т. д.

также до сего времени оставалась неизвѣстною. Благодаря имѣющемуся у насъ формулярному списку М. А. Щербинина, доставленному намъ изъ Московскаго архива Главнаго штаба при посредствѣ акад. Н. Ф. Дубровина, мы можемъ сообщить здѣсь хоть вѣщную біографію этого лица. М. А. Щербининъ родился въ 1795 г., происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи и въ 1812 г. былъ опредѣленъ кодонновожатымъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части; былъ въ заграничныхъ походахъ и многихъ сраженіяхъ 1812—1814 г.г., находился при вступленіи русскихъ въ Парижъ (вѣроятно къ нему относится эпизодъ, рассказанный его товарищемъ по службѣ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и приведенный въ изслѣдованіи Н. К. Шильдера объ Александрѣ I, т. III, стр. 214), будучи уже на службѣ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Съ іюня 1816 по ноябрь 1817 г. М. А. состоялъ при русскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Персію подъ начальствомъ А. П. Ермолова. Отсюда онъ былъ командированъ къ начальнику Главнаго штаба и затѣмъ находился при немъ во время путешествій императора Александра I въ 1818 и 1819 г.г. Со 2-го сентября 1819 г. по 27-е сентября 1820 г. состоялъ при канцеляріи генералъ-квартирмейстера Главнаго штаба. Въ 1820 г. (14-го октября) Щербининъ былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ и опредѣленъ адъютантомъ къ малороссійскому военному губернатору кн. Н. Г. Репнину, а въ 1823 г. произведенъ въ полковника съ назначеніемъ въ Муромскій пѣхотный полкъ. 22-го марта 1824 г. Щербининъ, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, былъ уволенъ отъ службы. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

гардтъ, извѣстный своимъ открытымъ образомъ жизни; лейбъ-гусарь Пав. Петр. Каверинъ, бывший воспитанникъ Гёттингенскаго университета; прославившійся своими дуэлями А. И. Якубовичъ, впоследствии декабристъ; Пав. Бор. Мансуровъ, родственникъ Всеволожскаго, адъютантъ генерала Н. И. Депрерадовича, наконецъ—только что выпущенный изъ лица Пушкинъ, а позднѣе и братъ его Левъ. Яковъ Николаевичъ вступилъ въ общество, по всей вѣроятности, черезъ самихъ основателей его, Всеволожскихъ, съ которыми былъ близко знакомъ; впоследствии Никита Всеволодовичъ Всеволожскій даже женился (вторымъ бракомъ) на родной племянницѣ Якова Николаевича—Екатеринѣ Арсеньевнѣ Жеребцовой ¹⁾).

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній, сохранившихся о «Зеленой Лампѣ» ²⁾, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ кружкѣ. Интересовавшійся имъ П. В. Анненковъ пришелъ къ заключенію, что этотъ дружескій кружокъ «составлялъ, со своимъ прославленнымъ калмыкомъ ³⁾, не болѣе, какъ обыкновенное оргіаческое общество, которое, въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ «Изгнаніе Адама и Евы», «Погибель Содома и Гоморры» и проч., имъ устраиваемыхъ въ своихъ засѣданіяхъ, занимался еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященное исключительно обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ интригъ... «Дѣла, разрѣшавшіяся Зеленой Лампой, были преимущественно дѣла по Театральной школѣ, куда нѣкоторые изъ членовъ старались даже пробраться подъ видомъ говѣнія: школа имѣла свою церковь. Вѣроятно, тутъ же слушались и анекдоты изъ скандальной хроники общества, вродѣ анекдота съ театральнымъ маіоромъ, гдѣ первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Пушкинъ, и тому подобныхъ» ⁴⁾. Можно, однако, смѣло сказать, что кружокъ молодыхъ повѣсь, собиравшійся у Всеволожскихъ, не преслѣдовалъ исключительно цѣлей кутежа, волокитства, дебоширства и пустыхъ театральныхъ сплетенъ: въ собраніяхъ общества участвовали и такіе люди, какъ Каверинъ и даже Гнѣдичъ; извѣстно, что здѣсь читались и разбирались произведенія членовъ, ибо большая часть ихъ, какъ ска-

¹⁾ Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій. Русская родосл. книга, т. I, С.-Пб. 1895, стр. 124.

²⁾ П. И. Бартепевъ—въ «Моск. Вѣд.» 1855 г., № 143; его же: Пушкинъ въ южной Россіи. М. 1862, стр. 128; Журавлевъ—въ «Моск. Вѣд.» 1855 г., № 146; П. В. Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, стр. 63—64 и проч.

³⁾ Это былъ мальчикъ, находившійся въ услуженіи у Всеволожскихъ и всегда присутствовавшій на засѣданіяхъ членовъ «Зеленой Лампы».

⁴⁾ Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, стр. 63—64.

зано выше, занималась литературой, и обсуждались вопросы театральнаго искусства, которому они предавались съ большимъ увлеченіемъ. По свидѣтельству Я. Н. Толстого, кутежъ, когда и бывалъ, начинался уже послѣ засѣданій, за ужиномъ, во время котораго прислуживалъ смышленный калмыкъ. «Само собою разумѣется», рассказываетъ онъ, «что во время ужина начиналась свободная веселость; всякій болталъ, что въ голову приходило; остроты, каламбуры лились рѣкою, и какъ скоро кто-нибудь отпускалъ пошлое красное словцо, калмыкъ нашъ улыбался насмѣшливо, и наконецъ мы рѣшили, что этотъ мальчикъ, всякій разъ, какъ услышитъ пошлое словцо, долженъ подойти къ тому, кто его отпустить, и сказать: «здравія желаю!» Съ удивительною смѣтливостью калмыкъ исполнялъ свою обязанность. «Впрочемъ», замѣчаетъ Толстой, «Пушкинъ ни разу не подвергался калмыцкому желанію здравія. Онъ иногда говорилъ: «Калмыкъ меня балуетъ: Азія протезируетъ Африку». Конечно, мудро было осудить искры ума Пушкина, который въ эти минуты не только расточалъ остроты, но даже импровизировалъ прекрасные стихи» ¹⁾.

Роль Якова Николаевича въ собраніяхъ «Зеленой Лампы» была настолько значительна, что, когда въ 1819 г. Всеволожскій уѣзжалъ изъ Петербурга, члены кружка собирались на его квартирѣ. «Однажды», рассказываетъ онъ, «Гнѣдичъ читалъ отрывки изъ своего перевода «Илиады». Въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчали мы шероховатость. Пушкинъ морщился и зѣвалъ. Гнѣдичъ, подошедши къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ, Александръ Сергѣевичъ, стихи, которые вамъ не нравятся». Пушкинъ отказывался, Гнѣдичъ настаивалъ; тогда Пушкинъ произнесъ слѣдующій экспромптъ:

Съ тобою въ спорѣ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
Я руку наложилъ,
Погладилъ—зановилъ“ ²⁾.

Отношеніе Пушкина къ этому кружку было самое живое: онъ съ удовольствіемъ посѣщалъ его собранія и принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, касавшихся театра: раздѣлялъ нападки членовъ общества на только-что выступавшую актрису А. М. Колосову (Каратыгину), бывшую соперницей Е. С. Семеновы въ исполненіи классическихъ ролей, и даже написалъ на нее злую эпиграмму ³⁾, участвовалъ въ различныхъ театральныхъ манифестаціяхъ и т. п. Поэтому, когда «Зеленая Лампа» замѣтно начи-

¹⁾ «Современникъ» 1857 г., № 4, отд. V, стр. 266. Письмо Я. Н. къ М. Н. Лонгинову изъ Парижа отъ 1/13-го ноября 1856 г.

²⁾ Ibid., стр. 266—267.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. I, стр. 213.

нала уже распадаться, Пушкинъ съ сожалѣнiемъ отмѣчалъ это; такъ, 27-го октября 1819 г., онъ писалъ изъ Петербурга своему прiятелю П. Б. Мансурову: «Толстой боленъ... «Зеленая Лампа» нагорѣла; кажется, гаснетъ, а жаль: масло есть (то-есть, шампанское нашего друга)» ¹⁾. И позже, уже на югѣ Россiи, Пушкинъ вспоминалъ о кружкѣ своихъ товарищей, «минутныхъ друзей минутной молодости». «Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ»,—писалъ онъ брату Льву изъ Кишинева 27-го iюня 1821 г. «Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его ²⁾, Овощникову его ³⁾, Лампу его и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравiя калмыку и напиши мнѣ обо всемъ» ⁴⁾. Въ письмѣ къ Я. Н. Толстому изъ Кишинева отъ 26-го сентября 1822 г. онъ также спрашивалъ о судьбѣ общества и такъ выражалъ свои о немъ воспоминанiя:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣнiй и пировъ?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остриковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Клириды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По-прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаннѣ скучномъ каждый часъ
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, прiютъ гостепрiимный,
Прiютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволь
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Рассказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...

¹⁾ Ibid. т. VII, 5 - 6

²⁾ Марки винъ.

³⁾ Танцовщица.

⁴⁾ Соч., т. VII, стр. 23.

Налейте мнѣ вина кометы
Желай мнѣ здравiя, калмыкъ! ¹⁾.

Таковы были воспоминанiя Пушкина о кружкѣ друзей его кипучей юности. Памятникомъ отношенiй его къ Толстому являются извѣстные «Стансы», обращенные къ Якову Николаевичу и написанные по просьбѣ послѣдняго. Исторiя этого стихотворенiя такова. Однажды, въ 1819 г., возвращаясь съ дружеской пирушки, вѣроятно изъ засѣданiя «Зеленой Лампы», Пушкинъ вѣхалъ съ Толстымъ по набережной Фонтанки къ себѣ домой, къ Калинкину мосту. Во время дороги Яковъ Николаевичъ взялъ съ Пушкина обѣщанiе подарить его посланiемъ; но послѣднiй долго не исполнялъ своего слова. Тогда Толстой обратился къ нему со слѣдующими стихами, которые позже были напечатаны въ сборникѣ его произведенiй «Мое праздное время» (стр. 48—51):

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою:
Направя къ Пинду свой полетъ,
Летишь во храмъ его стрѣлою
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гимны страстны и веселы
Поешь, какъ истинный пѣтъ,
То громозвучные глаголы
Текутъ, какъ пламенная рѣка,
Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ,
Разсѣвши черны облака
Въ своемъ паренiи высокомъ,
Дивятся и трогаютъ сердца.
Склонись о Пушкинъ, Феба ради,
На просьбу слабого пѣвца
И вспомни, какъ, къ моей отрадѣ,
Ты мнѣ посланье обѣщалъ;
Припомни также вечеръ ясный,
Когда до дому провождалъ
Тебя, пѣтъ мой сладкогласный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ;
Когда, стихами и шампанскимъ
Свои рассудки начина
И дымомъ окурясь султанскимъ,
Едва дошли мы до коня;
Усѣлись кое-какъ на дрожкахъ,
Качаясь, вѣхали въ тѣни,

¹⁾ Яковъ Николаевичъ, отвѣчая Пушкину на вопросъ, заданный имъ въ началѣ этого стихотворенiя, писалъ ему:

Ахъ! Лампа погасла,
Не стало въ ней масла!

Изъ этого слѣдуетъ, что собранiя друзей прекратились въ концѣ 1822 г. (М. Н. Лонгиновъ, «Современникъ», l. cit.).

И гасли медленно въ окошкахъ
 Чуть-чуть замѣтные огни;
 Зыблясь, въ Фонтанкѣ отражалась
 Столбомъ серебрянымъ луна,
 И отъ строеній разстилалась
 Густая тѣнь, какъ пелена.
 И слышенъ былъ, подобно грому,
 Повозокъ шумъ издалека;
 По своду темно-голубому
 Прозрачны плыли облака,
 И Вesperъ теплился порою,
 Двоясь трепетно въ струяхъ:
 Въ то время мчались мы съ тобою
 Въ пустыхъ Коломенскихъ краяхъ...
 Ты вспомни, какъ, тебя терзая,
 Согласье выпросилъ тогда,
 Какъ соннымъ голосомъ, зѣвая,
 На просьбу мнѣ ты молвилъ: „да!“
 Но вотъ проходитъ ужъ вторая
 Недѣля съ вечера того,—
 Я слышу, пишешь ты ко многимъ,
 Ко мнѣ жъ показѣсть—ничего ⁴⁾;
 И я перомъ своимъ убогимъ
 Тебѣ рѣшился докучать,
 Доколы ты не сдержишь слово.
 Бездѣлку трудно-ль написать?
 Искусство для тебя не ново:
 Тебѣ плетутъ давно вѣнецъ
 На Пиндѣ музы, для примѣра.
 Возьми жъ свой пламенный рѣзецъ,
 Владыко ремы и размѣра,
 И имъ изобрази мнѣ живо
 Прелестный образъ музы той,
 Что пѣтъ тебя краснорѣчиво
 Такъ научила, милый мой;
 Открой искусство мнѣ столь сладко
 Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
 Чтобъ могъ изображать я кратко

⁴⁾ Дѣйствительно, въ 1819 году Пушкинъ написалъ посланія къ слѣдующимъ членамъ „Зеленой Лампы“: Ф. Ф. Юрьеву, В. В. Энгельгардту и Н. В. Всеволожскому. Къ этому же году слѣдуетъ отнести посланіе къ М. А. Щербинину, включаемое обыкновенно въ число стихотвореній 1818 г. Подтвержденіемъ такого предположенія служитъ: 1) то, что весь почти 1818 г. Щербининъ былъ въ отсутствіи, состоя въ свитѣ Александра I во время его путешествій, изъ которыхъ онъ вернулся въ концѣ декабря 1818 г.; 2) въ 1819 же году Щербининъ былъ въ Петербургѣ и съ 1-го сентября считался въ „домашнемъ отпуску“; 3) о посланіи къ Щербинину, на-ряду съ посланіями къ Энгельгардту и А. Ф. Орлову, несомнѣнно относящимися къ 1819 г., какъ о новостяхъ, А. И. Тургеневъ сообщалъ 13-го августа 1819 г. кн. П. А. Вяземскому (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, С.-Пб. 1899, стр. 288 и Соч. Пушкина, т. VII, стр. 4).

И сохранялъ бы красоты;
 Чтобъ вѣжность, вкусъ, витійства сила,
 Что отъ боговъ тебѣ даны,
 И коими Русланъ, Людмила
 Удачно такъ облечены,—
 Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ
 Такимъ же точно, какъ въ твоихъ;
 Во вкусѣ медленномъ пѣвецкомъ
 Отвадь меня низать мой стихъ;
 Въ моихъ стихахъ излишество слога
 Рѣзцомъ своимъ ты отколи
 И отъ таланта хоть немного
 Ты своего мнѣ удѣли!
 На что мнѣ длинное посланье?
 Твоихъ стиховъ десятка три—
 Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье,
 Меня ты ими подари!
 Пускай трудится мрачный мистикъ
 Надъ кипой древнихъ теоремъ,—
 Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
 И я доволенъ буду тѣмъ.
 Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
 И съ пустословіемъ въ войнѣ,
 Такъ научи жъ, какъ съ лапидаризмомъ
 Ловчѣе подружиться мнѣ...
 Прошу, очисти мнѣ дорогу
 Кратчайшую во вкуса храмъ,
 И, твоего держася слогу,
 Пойду пѣта по стопамъ!

На это посланіе Пушкинъ отвѣтилъ своими «Стансами»:

Философъ равній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни;
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
 Ты милыя забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣнялъ
 И на лампаду Эпиктета—
 Златой Гораціевъ фіалъ.
 Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины, заботъ
 И безполезныхъ размышленій!
 Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
 Всѣмъ возрастаемъ даетъ игрушекъ:
 Надъ сѣдинами не гремѣть
 Безумства рѣзвыя гремушки.
 Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое веселье.

До капли наслажденъ пей,
Живи безпеченъ, равнодушень,
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

Изъ «Стансовъ» Пушкина видно, что въ Толстомъ по какимъ-то причинамъ произошло охлажденіе къ «играмъ младости», и онъ отвратился отъ нихъ. Пушкинъ, конечно, не могъ съ полнымъ осужденіемъ относиться къ настроенію своего пріятеля, но, призывая его къ наслажденію жизнью, лишь высказывалъ тотъ же взглядъ, что и раньше (1817 г.), когда въ посланіи къ П. П. Каверину говорилъ:

... Черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Книерой, съ Портикомъ и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Такимъ образомъ, понятенъ становится этотъ призывъ, обращенный къ «раннему философу, бѣгущему пировъ и наслажденій жизни»: Пушкинъ старается убѣдить его только въ томъ, что, предаваясь серьезнымъ занятіямъ, не слѣдуетъ забывать и про свою молодость, которая никогда не возвращается; что можно легко соединить одно съ другимъ, и что такое соединеніе вполнѣ достойно человѣка съ возвышенной душой.

Съ именемъ Я. Н. Толстого связана исторія перваго изданія стихотвореній Пушкина, который еще до своего отъѣзда на югъ Россіи передалъ Якову Николаевичу право на изданіе отдѣльной книжкой своихъ новыхъ стихотвореній, о чемъ свидѣлствуетъ въ письмахъ къ Гнѣдичу — отъ 13-го мая 1822 г. и къ А. А. Бестужеву — отъ 12-го января 1824 г. Однако, изданіе это не состоялось вслѣдствіе вмѣшательства Гнѣдича. «Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ», писалъ Пушкинъ Бестужеву въ вышеупомянутомъ письмѣ: «онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе: отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ,—и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ «Сынѣ Отечества»¹⁾; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ».

¹⁾ Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду полемику, которая завязалась между Яковомъ Николаевичемъ и Бестужевымъ съ одной стороны и А. А. Жандромъ — съ другой — на страницахъ «Сына Отечества». Споръ начался по поводу статьи Жандра, появившейся въ «Сынѣ Отечества» за 1823 г. (ч. 84, № 9, стр. 64—72) и озаглавленной «Разговоръ отъ „Полярной Звѣзды“». Въ ней Жандръ, въ діалогѣ съ г. С., въ пасмѣшливомъ тонѣ критикуетъ альманахъ Бестужева «Полярная Звѣзда» и обвиняетъ его въ томъ, что онъ въ своей

Передъ отправленіемъ своимъ на югъ, въ серединѣ 1820 г., Пушкинъ проигралъ Н. В. Всеволожскому 1.000 р. асс.¹⁾ и, не будучи въ состояніи заплатить свой долгъ наличными деньгами, передалъ ему, для изданія, рукопись своихъ стихотвореній, приготовленную уже къ печати, съ тѣмъ, чтобы Всеволожскій продажею книги выручилъ выигранную сумму. Но Всеволожскій долго не могъ собраться приступить къ дѣлу и хотѣлъ продать право на ихъ изданіе князю Алекс. Яковл. Лобанову-Ростовскому, бывшему въ то время полковникомъ л.-гв. Гусарскаго полка²⁾: онъ хотѣлъ напечатать стихотворенія поэта въ Парижѣ³⁾. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ встревожился, такъ какъ не терялъ надежды издать ихъ по возвращеніи въ Петербургъ. «Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому», — писалъ онъ брату Льву изъ

извѣстной статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» сдѣлалъ грубую ошибку, сказавъ, что «Жандръ съ товарищами перевелъ съ французскаго нѣсколько трагедій и одну комедію, отъ чего многоручные переводы сіи получили пестроту въ слогѣ» и что «трагическіе стихи его гладки не рѣдко сильны и часто заржавлены старинными выраженіями». Опровергая Бестужева, Жандръ говоритъ, что онъ перевелъ съ товарищемъ (Грибоѣдовымъ), а не съ товарищами, только одну комедію («Притворная невѣрность»); что онъ одинъ написалъ «Семелу» въ подражаніе Шиллеру и что одинъ же перевелъ нѣсколько хоровъ и одну сцену изъ Расиновой «Геолинъ». Въ 12-мъ № «Сына Отечества» за тотъ же годъ (стр. 223—229) появилось «Письмо къ А. А. Бестужеву въ Москву» Я. Н. Толстого, въ которомъ онъ вступаясь за Бестужева, высмѣиваетъ Жандра и его «Разговоръ», но главнымъ образомъ со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій. Письмо это, въ свою очередь, вызвало возраженіе Жандра (№ 14, стр. 310—312), на которое Толстой отвѣтилъ въ № 15 (стр. 32—35). Наконецъ, спорящія стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями (№ 16, стр. 83—86 и № 17, стр. 124—128), послѣ чего редакторъ — Грець, который и конца не видѣлъ этой скучной и безсодержательной полемики, вращавшейся исключительно на критикѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, замѣтилъ спорщикамъ, что пора бы кончить ихъ переписку на страницахъ его журнала, чтобы не вызывать справедливыхъ упрековъ читателей. И дѣйствительно, уже въ № 20 «Сына Отечества» (стр. 258—270) напечатано было одно изъ «Писемъ на Кавказъ» какого-то Ж. К. въ которомъ онъ, говоря о «Сынѣ Отечества», замѣчалъ по поводу этой полемики, что ничего не можетъ быть «скучнѣе и несноснѣе споровъ или ссоръ объ однихъ словахъ, образѣ мыслей одного человѣка, о его способѣ выражаться и о прочемъ, тому подобномъ». Въ этой перепискѣ, говоритъ онъ, «два антагониста заставляютъ терпѣливыхъ читателей быть свидѣтелями пустого, ни для кого не интереснаго спора о томъ, правъ ли былъ г. Бестужевъ въ сужденіи своемъ о г. Жандрѣ или нѣтъ, и кто лучше выражаетъ мысли свои на русскомъ языкѣ: Я. Т. или Жандръ».

¹⁾ Письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 29-го ноября 1824 г.

²⁾ К. Н. Манзей. Исторія л.-гв. Гусарскаго полка, ч. III, С.-Пб. 1859, стр. 97.

³⁾ Письмо Пушкина къ Гнѣдичу отъ 27-го сентября 1822 г.

Кишинева 4-го сентября 1822 г.,—«и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику...» Между тѣмъ Пушкинъ получилъ письмо отъ Я. Н. Толстого, котораго кн. Лобановъ избралъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ Якову Николаевичу уже принадлежало право на изданіе новыхъ произведеній поэта. Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ и 26-го сентября 1822 г. писалъ Толстому:

«Милый Яковъ Николаевичъ! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои стихотворенія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступить отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить,—и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній нѣкоторыя должны быть выключены, многія—переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ, подождемъ еще два—три мѣсяца! Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покажѣсть, прими мои сердечныя благодаренія: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати—два года и шесть мѣсяцевъ никто ни строки, ни слова!»¹⁾

Такимъ образомъ, право на изданіе стихотвореній осталось въ рукахъ Всеволожскаго; но прошло еще около двухъ лѣтъ, а изданіе это и не начиналось. Тогда Пушкинъ рѣшился выкупить у Всеволожскаго свое утраченное право. «Постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости», писалъ онъ 29-го іюня 1824 г., уже изъ Одессы, А. А. Бестужеву. «Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочешь у него ихъ купить. Согласится ли Аристиппъ

¹⁾ Письмо Пушкина оканчивается вышеприведеннымъ стихотвореніемъ „Горишь ли ты, лампада наша?“, а затѣмъ идутъ слѣдующія строки: „Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ бессарабской глуши, не получаю ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не знаю объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости, милый, до свиданія и до посланія! Обними нашихъ. Что Сосницкіе? Что Хмѣльницкіи? Что Катенины? Что Шаховской? Что Ежова? Что гр. Пушкинъ? Что Семеновы? Что Заводскій? Что весь театръ? (Соч., т. VII, стр. LXI).

Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles»... О томъ же писалъ онъ и самому Всеволожскому¹⁾, и брату Льву²⁾, и кн. Вяземскому³⁾, но только въ мартѣ 1825 г. получилъ извѣстіе, что Никита Всеволодовичъ уступилъ эту «проклятую», по выраженію самого Пушкина, рукопись, и братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ съ П. А. Плетневымъ приступили къ ея изданію, вышедшему въ свѣтъ въ 1826 году. Такъ неудачно окончилось участіе Якова Николаевича въ изданіи стихотвореній великаго поэта. Однако, дружескія ихъ отношенія, повидимому, не измѣнились съ теченіемъ времени и сохранились до самой смерти Пушкина. По крайней мѣрѣ, еще за недѣлю до рокового дня, Толстой, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ-за границы хлопотать о поступленіи на службу, навѣстилъ поэта и говорилъ съ нимъ о посвященныхъ ему «Стансахъ»⁴⁾.

Выше было упомянуто о томъ, что Я. Н. Толстой уже смолоду не былъ чуждъ занятій литературой⁵⁾. Если не ошибаемся, первымъ его печатнымъ произведеніемъ является переводъ въ стихахъ V-й элегіи Тибулла (книги I-й), помѣщенный въ 1818 г. въ изданіи В. Н. Олина «Журналъ древней и новой словесности» (октябрь, стр. 22—25) и изданной отдѣльно въ томъ же году въ Петербургѣ⁶⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1819 г., появилось отдѣльнымъ изданіемъ «Посланіе къ Петру Михайловичу Каменскому»⁷⁾, съ которымъ Яковъ Николаевичъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Чтобы дать понятіе о музѣ Толстого, приведемъ вкратцѣ содержаніе этого посланія.

Укоряя Каменскаго за то, что онъ, удалившись въ деревню, забылъ объ его существованіи, Толстой выражаетъ зависть спокойствію своего друга среди сельской природы и противопоставляетъ ему свою суетливую жизнь въ городѣ. Онъ рисуетъ, какъ докучно ему жить въ столичной суетлѣ. Вотъ приходитъ къ нему кутила и вѣтрогонъ Хватковъ, затѣмъ—врачъ Микстурия, пристающій къ нему съ лѣкарствами;

¹⁾ Изъ Одессы, въ іюнѣ 1824.

²⁾ Изъ Михайловскаго, въ ноябрѣ 1824.

³⁾ Оттуда же, 29-го ноября 1824.

⁴⁾ „Современникъ“ 1857 г., № 4, отд. V, стр. 265: статья М. Н. Лонгинова.

⁵⁾ А. О. Шидловскій далъ намъ возможность просмотрѣть юношескій альбомъ Я. Н., хранящійся нынѣ въ музеѣ Пажескаго корпуса: въ этомъ альбомѣ находится довольно много русскихъ и французскихъ стихотвореній, и нѣкоторыя изъ нихъ сочинены Толстымъ.

⁶⁾ Возможно, что переводъ сдѣланъ Толстымъ съ латинскаго языка, который онъ дѣйствительно зналъ; намъ неизвѣстно, однако, гдѣ могъ онъ его изучить? Экзаменъ при Педагогическомъ институтѣ не требовалъ знанія латинскаго языка.

⁷⁾ Обѣ эти піесы вошли въ сборникъ Толстого „Мое праздное время“.

дальше—ханжа Молитвинъ, къ которому Толстой обращается съ такими словами:

Уже ль ты думаешь, что всемогущій Богъ
Довольствуется тѣмъ, что слышитъ ложный вздохъ,
Моленія твои, глава, къ Нему подняты,
Что видитъ хитрый взглядъ, смиренно руки сжаты,
Обманчивы твои поклоны передъ Нимъ,—
Межъ тѣмъ, какъ злости ядъ въ душѣ твоей хранимъ,
И ближнему въ бѣдахъ помочь не поспѣшаешь?
Нѣтъ, нѣтъ! Ты божества законъ тѣмъ унижаешь!

Послѣ Молитвина одинъ за другимъ приходятъ: Бекасинъ, надѣждающій ему разговорами

О гончихъ, о борзыхъ, о зайцахъ-русакахъ,

откупщикъ и кулакъ Торгуевъ, хвостунъ-офицеръ Усатовъ, щеголь Верхолѣтъ; наконецъ, является къ нему съ своей слезливою музою Увынинъ:

Что слово,—то увы, что стихъ, — то жалкій ахъ!
И струны лирные измокли всѣ въ слезахъ.
Зефиръ воютъ съ нимъ, блѣднѣетъ нѣжна Флора,
И слезы за него, тоскуя, льетъ Аврора.
Комаръ ли прожужжитъ, или вскрикнетъ гдѣ сверчокъ,
Онъ мыслить, что и ихъ сражаетъ лютой рокозъ;
А если жъ запоетъ къ несчастью Филомела—
Бѣда: горячихъ слезъ рѣка польется цѣла!

Въ этихъ стихахъ, не лишенныхъ остроумія, нельзя не признать явнаго намека на слишкомъ ревностныхъ послѣдователей Карамзинскаго сентиментализма.

Начавъ писать значительно ранѣе выхода въ свѣтъ двухъ вышеупомянутыхъ стихотвореній, Яковъ Николаевичъ въ 1821 г. рѣшилъ, по совѣту друзей, издать сборникъ своихъ произведеній, которыхъ къ тому времени накопилось уже довольно много. Сборникъ этотъ вышелъ въ началѣ того же года въ Петербургѣ подъ вычурнымъ заглавіемъ: «Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстого». Сюда вошли, кромѣ двухъ приведенныхъ выше, 20 стихотвореній, не считая эпиграммъ. Въ началѣ книги помѣщено обращеніе «Къ друзьямъ», въ которомъ Толстой говоритъ, что только по ихъ настоянію рѣшился выступить въ печати.

Загѣмъ слѣдуютъ три сатиры: «Поэтъ въ недоумѣніи», «Примиреніе» и «Воззваніе» къ издателю журнала. Въ первой поэтъ выражаетъ недоумѣніе: почему онъ, за всѣ тяжелые труды, посвящаемые на то, чтобы писать стихи, получаетъ только насмѣшки, непріятности, огорченія, и восклицаетъ:

Всѣ, всѣ противъ меня, и даже мой сапожникъ
Сердася, узкіе мнѣ сдѣлалъ сапоги!

Наконецъ, поэтъ рѣшается замолчать, но ему очень трудно исполнить такое рѣшеніе, такъ какъ кругомъ онъ видитъ столько ужасныхъ пороковъ, молчать о которыхъ невозможно. При этомъ онъ рисуетъ нѣсколько отрицательныхъ типовъ. напимѣръ, Блестова, разбогатѣвшаго, зазнавашагося человѣка и его жестокосердную жену, которая

Купается въ слезахъ отъ смерти канарейки,
Межъ тѣмъ какъ при смерти слуга ея лежитъ.

Сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ подобными людьми, поэтъ въ отчаяніи восклицаетъ:

Не знаю самъ теперь, что дѣлать, что начать:
Писать ли мнѣ, или нѣтъ? Браниться, или молчать?
Шутить, или скорбѣть; смѣяться, или плакать?
Бѣда! Не вѣдаю, чѣмъ людямъ мнѣ ушакать!

Сатира «Примиреніе»—подобнаго же содержанія: поэтъ, сознавъ всю тяготу своей роли, какъ обличителя пороковъ, рѣшаетъ не писать болѣе горькой правды, а всѣхъ хвалить, чтобы избавиться отъ враговъ:

Итакъ, писать на пряники
Отнынѣ правды не намѣренъ,
И Фирсъ, душой какъ ни кривъ,
А можетъ твердо быть увѣренъ,
Что я молчу. Кто хочетъ, рви
Съ Ханжеевой обмана маску—
Я рукъ не подыму . .

Наконецъ, третья сатира направлена противъ какого-то злого и желчнаго журналиста; изъ нѣкоторыхъ намековъ можно предположить, что она имѣетъ въ виду издателя «Вѣстника Европы» Каченовскаго.

Второй отдѣлъ сборника занятъ посланіями. Кромѣ двухъ приведенныхъ выше посланій къ Пушкину и П. М. Каменскому, здѣсь находятся еще слѣдующія: къ Д. Н. Философову, Н. В. Всеволожскому, О. Н. Глинкѣ, Петербургскому жителю и Старому другу. Въ посланіи къ Всеволожскому Толстой призываетъ своего пріятеля пріѣхать къ нему отдохнуть отъ свѣтской жизни «въ сосѣдствѣ съ милымъ драматургомъ», то-есть, къ А. А. Шаховскимъ:

Увидишь добраго сосѣда,
Ту отрасль толстую князей
Могущихъ, храбрыхъ Ярославскихъ,
Что страшны были для Литвы,
Для странъ татарскихъ, скандинавскихъ,
А нынѣ правнукъ ихъ, увь,
О, оборотъ судьбы печальной!
Вѣнецъ и мантію сложа,
Властитель сцены театральной,
Со славой Талии служа,
Стяжалъ безсмертіе Мольера!
Пороковъ врагъ, сей милый князь
Выводитъ намъ ихъ для примѣра

Какъ сказано было выше, въ собраніяхъ «Зеленой Лампы» часто и много трактовалось о драматическомъ искусствѣ, театральныхъ піесахъ и актерахъ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка даже сами писали для сцены, какъ, напримѣръ, Н. В. Всеволожскій и Д. Н. Барковъ. Увлеченный, вѣроятно, ихъ примѣромъ Яковъ Николаевичъ захотѣлъ попробовать свои силы на поприщѣ драматическаго писателя. Къ тому же, по указанію П. Н. Арапова, Толстой въ 1818—1819 г. усердно посѣщалъ вечера кн. А. А. Шаховскаго, съ которымъ, какъ мы видѣли выше, онъ былъ очень хорошо знакомъ; на этихъ вечерахъ собирались всѣ тогдашніе театралы и драматурги, какъ, напримѣръ: Грибоѣдовъ, Д. Н. Бѣгичевъ, А. А. Жандръ, Н. И. Хмельницкій, Ф. Ф. Кокоскинъ, П. А. Катенинъ ¹⁾. И вотъ, 8-го декабря 1819 г., въ бенефисъ М. А. Колосовой, на которую сначала нападали члены «Зеленой Лампы», Толстой въ первый разъ выступилъ передъ публикой: была поставлена, въ его переводѣ съ французскаго языка, опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи «Мнимые разбойники, или суматоха въ трактирѣ», съ музыкой Сапиенца. Но піеса эта не попала въ печать, и первое ея представленіе было и послѣднимъ, изъ чего можно заключить, что выборъ переводчика оказался не особенно удачнымъ ²⁾. Спустя полтора года, 25-го іюля 1821 г., въ бенефисъ четы Сосняцкихъ, была поставлена новая комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланная Яковомъ Николаевичемъ съ французскаго языка, — «Нетерпѣливый» ³⁾. Канвой для этой піесы послужила комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ весьма длюдовитаго французскаго писателя Буасси, игранная въ первый разъ на французскомъ театрѣ въ январѣ 1724 г. ⁴⁾. Впрочемъ, Толстой воспользовался ею только въ главныхъ чертахъ, значительно сокративъ ее и упростивъ интригу ⁵⁾; но несомнѣнно, что типъ Вспышкина ⁶⁾ снятъ съ Clitandre'a Буасси ⁷⁾; нѣкоторыя подробности также взяты изъ его комедіи. Хотя Толстой и сдѣлалъ сокращенія сравнительно съ піесой Буасси его комедія вышла все-таки растянутой, вялой и, не

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1861, стр. 274.

²⁾ Тамъ же., стр. 259—290

³⁾ Тамъ же, стр. 305. „Нетерпѣливый“ изданъ въ Петербургѣ въ 1822 г.

⁴⁾ Bibliothèque des théâtres, contenant le catalogue alphabétique des pièces dramatiques, opéra, parodies et opéra-comiques et le temps de leurs représentations. Paris. 1733, стр. 171.

⁵⁾ Въ „Архивѣ дирекціи импер. театровъ“ (вып. I, отд. 3, С.-Пб. 1892, стр. 196) указанъ имѣющійся тамъ печатный экземпляръ комедіи въ 1 д. соч. Lantier, того же названія (l'Impatient), исполнявшейся въ переводѣ на петербургскихъ театрахъ въ 1795—1800 гг. Но мы не могли сличить ее съ піесой Толстого за неимѣніемъ ея въ Императорской публичной библіотекѣ.

⁶⁾ Въ комедіи Толстого имена дѣйствующихъ лицъ указываютъ на ихъ качества, напр.: Вспышкинъ, Понезинъ (подъячій) и Рубенскій (художникъ).

⁷⁾ Ср. Boissy. Théâtre français. Tome I. Paris. 1735, pp. 18—122.

смотря на относительно гладкіе стихи, представляетъ мало интереса. Петербургской публикѣ она, вѣроятно, не понравилась, потому что не шла болѣе одного раза. Такимъ образомъ, опытъ Толстого на поприщѣ драматическаго писателя оказался неудачнымъ, и онъ болѣе не появлялся на сценѣ ¹⁾.

Въ описываемый нами періодъ времени Яковъ Николаевичъ, продолжая службу въ Павловскомъ полку, въ 1821 г. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ Главный штабъ и получилъ чинъ штабъ-капитана. Но вскорѣ въ его судьбѣ произошла крупная перемѣна, измѣнившая его жизнь уже навсегда. 23-го апрѣля 1823 г. Яковъ Николаевичъ взялъ заграничный отпускъ для излѣченія какой-то болѣзни ногъ. Въ сентябрѣ онъ былъ уже на мѣстѣ, рѣшивъ пробыть въ Парижѣ годъ или полтора; но обстоятельства сложились такъ, что ему уже не скоро удалось возвратиться въ Россію. Онъ находился еще во Франціи въ то время, какъ въ Петербургѣ совершился событія 14-го декабря 1825 г. Слѣдствіе открыло, что Яковъ Николаевичъ также былъ причастенъ къ движенію, охватившему часть русскаго образованнаго общества. По одному показанію, онъ примкнулъ къ этому движенію еще до 1821 г., образовавъ, вмѣстѣ съ княземъ Евг. Оболенскимъ и колл. асс. Токаревымъ, тайное общество въ Измайловскомъ полку, которое было независимо отъ Союза благоденствія ²⁾. По показанію же, данному С. М. Семеновымъ, слѣдуетъ, что Толстой вступилъ въ члены тайнаго общества позже, когда «Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 г., начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза (Благоденствія) составлять новое тайное общество» и «въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принималъ полковника Митькова, Якова Толстого и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились» ³⁾.

Изъ этого противорѣчія намъ помогаетъ выйти самъ Н. И. Тургеневъ, который въ I томѣ «La Russie et les russes», говоря о «Донесеніи Слѣдственной комиссіи», обсуждаетъ, между прочимъ, и два вышеприведенныхъ свидѣтельства. Вотъ что, по его мнѣнію, могло подать поводъ къ показанію Семенова. «Послѣ возвращенія моего въ

¹⁾ Араповъ въ своей „Лѣтописи“ упоминаетъ еще (стр. 280) комедію „Виткиндова башня, или капитуляція жидовъ“, переведенную съ французскаго языка какимъ-то А. Н. Толстымъ и игранную въ 1819 г. Не принадлежитъ ли и она перу Я. Н. Толстого?

²⁾ Rapport de la commission d'enquête. St-Petersbourg. 1826, p. 26. Въ „Донесеніи Слѣдственной комиссіи“ (стр. 16) имени Якова Николаевича не упоминаютъ при описаніи этого новаго общества, и говорится только о кн. Оболенскомъ и Токаревѣ. Но бар. А. Е. Ровень рассказываетъ о немъ согласно съ „Rapport“ (Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870, стр. 66).

³⁾ Rapport de la commission d'enquête, стр. 38—39, примѣч. 2.

Петербургъ» ¹⁾), рассказываетъ онъ: «секретарь прежняго общества Семеновъ... сказалъ мнѣ однажды, что нѣкоторые изъ его друзей, которыхъ, однако, я зналъ весьма мало, и не зналъ, были ли они, или нѣтъ, членами этого (прежняго) общества,—спрашивали его, почему общество было уничтожено, и нужно ли отказаться ото всего. Не удовлетворенные объясненіями, которыя онъ (то-есть, Семеновъ) имъ далъ, они хотѣли переговорить со мной, чтобы отъ меня узнать, чего имъ теперь держаться. Я сказалъ ему, что постараюсь ихъ увидѣть и сообщить имъ то, что произошло въ Москвѣ. Я отправился къ одному изъ этихъ господъ, гдѣ и встрѣтилъ, кромѣ Семенова, еще троихъ: Оболенскаго, Я. Толстого и Миклашевскаго. Я сообщилъ имъ рѣшеніе, принятое въ Москвѣ, и словесно изложилъ мои доказательства о безусловной невозможности работать въ Россіи для общаго блага съ помощью тайныхъ обществъ. Я настаивалъ, чтобы каждый въ отдѣльности старался о томъ, и въ особенности совѣтовалъ заняться освобожденіемъ рабовъ,—предметъ, для котораго должны быть достаточны старанія или дѣйствія сообща двухъ-трехъ друзей и который, по самому свойству своему, несовмѣстимъ съ тайной. Всѣ сношенія мои съ сими людьми ограничились этимъ единственнымъ свиданіемъ» ²⁾ Опровергая такимъ образомъ, показаніе Семенова, Тургеневъ говоритъ далѣе слѣдующее: «Толстой находился во Франціи во время возстанія 1825 г. Когда въ Парижѣ занимались составленіемъ оправдательной для меня записки, то для этого сочли необходимымъ спросить у него объясненій. Онъ отвѣтилъ (это письмо его у меня въ рукахъ и теперь), что «предложеніе вступить въ тайное общество было сдѣлано ему не Н. Тургеневымъ, а Семеновымъ (давшимъ то показаніе, о которомъ идетъ рѣчь), и что общество, въ которое ему предлагали вступить, было не иное, какъ прежнее общество «Союзъ общественнаго благоденствія». Такимъ образомъ выясняется, что Толстой вступилъ въ тайное общество до 1821 г. или въ самомъ его началѣ. Намъ не извѣстно, давалъ ли какія-нибудь показанія Толстой Слѣдственной комиссіи. Вѣроятно нѣтъ, такъ какъ находился тогда за границей, да и въ «Донесеніи» не находимъ никакихъ слѣдовъ этого. Строгихъ преслѣдованій противъ Якова Николаевича также не было, если не считать обвиненій въ написаніи какой-то статьи въ «La France chrétienne» (1826 г.), направленной противъ русскаго правительства. Впрочемъ, Толстой доказалъ, что не онъ былъ ея авторомъ ³⁾).

¹⁾ Изъ Москвы, гдѣ въ февралѣ 1821 г. было рѣшено закрыть Союзъ Благоденствія.

²⁾ La Russie et les russes, t. I, pp. 197—198.

³⁾ La Russie et les russes, t. I, p. 199 и 273.

По приѣздѣ въ Парижъ въ 1823 г., Яковъ Николаевичъ быстро окунулся въ его кипучую жизнь: онъ старался все увидѣть, все узнать. Насколько сильно было впечатлѣніе, произведенное на него столицей Франціи, можно видѣть изъ письма его къ А. А. Бестужеву, писаннаго вскорѣ по приѣздѣ въ Парижъ—5 (17-го) ноября 1823 г. ¹⁾: «Не требуйте отъ меня описанія Парижа: слабое перо мое не въ состояніи начертать очаровательной картины шумныхъ увеселеній, да и сверхъ того сія гостиница просвѣщеннаго міра, средоточіе жизненныхъ наслажденій, была предметомъ описаній тысячи путешественниковъ. У насъ, начиная отъ неподражаемаго Карамзина, коего волшебная кисть съ равнымъ искусствомъ рисовала обычаи народовъ и прелести природы, до послѣдняго странствователя, едва умѣющаго писать,—всѣ вели въ свою очередь болѣе или менѣе занимательныя путевыя записки, которыя, при статьѣ о Парижѣ, увеличивались описаніями, сужденіями и примѣчаніями; рѣдко кто ихъ не читалъ, многіе даже затвердили перваго наизусть. Со времени же двоекратнаго взятія сей столицы побѣдоносными нашими войсками мало кто въ ней не бывалъ; кто жъ не былъ, тотъ вѣрно слышался отъ друзей и знакомыхъ, по крайней мѣрѣ, объ удовольствіяхъ парижской жизни. Всѣ и даже слуги наши, по слышкѣ знаютъ Пале-Рояль! Лѣтъ за пятнадцать передъ симъ, кто былъ въ Парижѣ, тотъ выходилъ изъ черты обыкновенныхъ людей; на него указывали, какъ на всезнающаго человѣка, и говорили: «Онъ даже былъ въ Парижѣ!» Но съ тѣхъ поръ, какъ русскія войска успѣли заплатить французскимъ два визита за одинъ; съ тѣхъ поръ, какъ мечъ указалъ намъ дорогу къ берегамъ Сены,—мы угадали нетрудность быть въ столицѣ Франціи: нынѣ тотъ, кто въ состояніи заплатить прогнаны за три тысячи верстъ, скачетъ за границу, и цѣль его путешествія—Парижъ!»

Однако, Яковъ Николаевичъ не восторгался слѣпо всѣмъ французскимъ только потому, что оно французское: онъ умѣлъ, напримѣръ, подмѣтить и недостатки парижанъ: ихъ вѣтренность, непостоянство и неустойчивость во мнѣніяхъ; онъ дѣлаетъ слѣдующую, не лишнюю наблюдательности, характеристику тогдашняго парижскаго общества. «Всѣ путешественники единодушно утверждаютъ», говоритъ онъ, «что французы любезны, милы и гостепримны; я не спору, можетъ быть свойства сіи входятъ въ ихъ общій характеръ, но нынѣшніе французы находятся внѣ своей сферы: народъ, существующій для удовольствій жизни, пустился въ мрачную политику; общество раздѣлилось на партіи, и либералы питаютъ явную ненависть къ роялистамъ, во всякомъ

¹⁾ Письмо это напечатано въ „Сынѣ Отечества“ за 1823 г., ч. 90, № XLII 29-го декабря), стр. 243—259.

незнакомомъ видятъ себѣ противника; хладнокровныя и умѣренныя сужденія кажутся имъ противорѣчимъ ихъ системамъ, и любезный, гостепрѣимный нравъ претворяется въ угрюмую мизантропію. Еслибъ раздѣленіе ограничивалось сими двумя партіями, то легко бь можно было ихъ различать и примѣняться къ людямъ благомыслящимъ; но разнообразіе толковъ оставляетъ въ недоумѣніи самаго тонкаго наблюдателя, и мудро догадаться, чего кто добивается. Вы найдете демократовъ, либераловъ, конституціонныхъ, министеріальныхъ, аристократовъ, роялистовъ, бонапартистовъ; прибавьте латинское слово *ultra* къ каждому изъ сихъ наименованій — и списокъ партій удвоится. При томъ, всё онѣ между собою въ непримиримой враждѣ; но и тутъ неосновательность французскаго характера васъ поразитъ: вы не рѣдко встрѣтите молодого человѣка съ лиліею въ петлицѣ и съ вензелемъ Наполеона на жилетѣ; или перстень, изображающій этого великаго человѣка, блещетъ на пальцѣ моднаго франта, напѣвающаго народную пѣсню «Vive Neny IV»... Вѣкъ поэзіи и изящнаго краснорѣчія во Франціи миновалъ; насталъ вѣкъ бесплодныхъ разсужденій. Гдѣ тѣ гении, которые на развалинахъ ума человѣческаго созидали новыя системы? Гдѣ тѣ пѣсопѣвцы, которые раздували священный огонь поэзіи, возжженный древними? Ихъ нѣтъ болѣе! Круговращеніе бурнаго полустолѣтія потушило ихъ небесныя искры. Во всей Франціи нѣтъ ни одного хорошаго поэта: легионы публицистовъ заступили ихъ мѣсто». Такovy были выводы Толстого, сдѣланные послѣ короткаго знакомства съ парижской жизнью; но они, тѣмъ не менѣе, во многомъ справедливы и обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ внимательнаго наблюдателя.

Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ извѣстія о парижскихъ театрахъ, которые Толстой, какъ большой любитель, посѣщалъ чуть-ли не ежедневно, объ актерахъ и всевозможныхъ зрѣлищахъ, а также о журналахъ и новыхъ книгахъ. Драматическій театръ совсѣмъ не удовлетворилъ ожиданій Толстого. «Въ трагедіи — Тальма и иногда Дюшенуа, въ комедіи — Марсь, вотъ и все!» восклицаетъ онъ. «Изъ числа вспомогательныхъ (accessoires) нѣтъ почти ни одного хорошаго; нѣкоторые же такъ дурны, что не годились бы на наши губернскіе театры». За то онъ съ большою похвалою отзывается о французской и итальянской оперѣ и балетѣ. Толстой заканчиваетъ свое письмо обѣщаніемъ сообщать Бестужеву все, достойное вниманія. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени на страницахъ того же «Сына Отечества» ¹⁾ появилось второе его письмо, отъ 25-го апрѣля 1824 г., но на этсмъ корреспонденціи его и прекратились. Здѣсь Яковъ Николаевичъ вполне подтверждаетъ свое мнѣніе о французскомъ театрѣ. «Въ

¹⁾ Ч. 94, іюнь, № XXIV, стр. 145—167.

первомъ письмѣ моемъ», говоритъ онъ, «писалъ я вамъ о здѣшнихъ театрахъ. Вы, мсжетъ статья, подумаете, что я не успѣлъ порядочно взглядѣться и писалъ по первымъ впечатлѣніямъ. Повѣрьте же мнѣ, что семимѣсячное здѣсь пребываніе и почти ежедневное посѣщеніе театровъ не возвысили ихъ достоинства въ моихъ глазахъ; итакъ, я упорствую въ моемъ мнѣніи и готовъ торжественно повторить то, что сказалъ въ первомъ моемъ письмѣ». Кромѣ извѣстій о новостяхъ театральнаго міра, Толстой говоритъ о торжественномъ засѣданіи Французской академіи, а также сообщаетъ названія нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгъ, достойныхъ, по его мнѣнію, вниманія соотечественниковъ.

Выѣхавъ изъ Россіи съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, Яковъ Николаевичъ, принявшійся жить на широкую ногу, скоро ихъ израсходовалъ и очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Съ этого времени началось его постоянное перебиваніе со дня на день, долги, возня съ кредиторами. Картина его парижской жизни становится весьма печальной, а письма къ роднымъ наполняются жалобами на нищету, преслѣдованія займодавцевъ, разнообразныя выворачиванья и уловки, къ которымъ ему приходилось прибѣгать для того, чтобы получить возможность существовать. Между тѣмъ, даже находясь въ такой грустной жизненной обстановкѣ, онъ сумѣлъ познакомиться со многими французскими писателями и журналистами и не оставлялъ литературныхъ занятій. Такъ, уже въ 1824 г. въ Парижѣ вышла его брошюрка «Quelques pages sur l'Anthologie russe pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le «Journal de Paris.» Въ номерѣ этого журнала отъ 2-го января 1824 г. появился разборъ изданной въ 1823 г. Emile'емъ Dupré de Saint Maure'омъ «Русской Антологіи», заключавшей въ себѣ переводъ на французскій языкъ произведеній нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Разборъ этотъ былъ написанъ критикомъ «Journal de Paris» P. Baour Lormian'омъ и заключалъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ русской литературѣ и, между прочимъ, нападки на Крылова.

Дѣло въ томъ, что Baour Lormian, усмотрѣвъ въ баснѣ Крылова «Сочинитель и воръ» ¹⁾ прозрачныя намеки на Вольтера, съ гнѣвомъ обрушился за это на нашего баснописца и отвергалъ въ его басняхъ всё тѣ достоинства, которыя видѣлъ въ нихъ Dupré de Saint-Maure. Выступивъ въ качествѣ защитника правъ русской литературы и достоинства басенъ Крылова, Толстой въ своемъ возраженіи (не приня-

¹⁾ Она переведена гр. Ксавье-де-Местромъ.

томъ ни однимъ французскимъ журналомъ), замѣчаетъ: «Да позволено мнѣ будетъ спросить г. критика, гдѣ онъ взялъ доказательство тому, что эта басня написана была противъ Фернейскаго философа? Г. Крыловъ говоритъ объ авторѣ, который, посвявъ своими сочиненіями опасные принципы въ обществѣ, получаетъ въ аду возмездіе за то зло, которое вызвали его сочиненія. Но вѣдь Вольтеръ не единственный писатель, который въ своихъ сочиненіяхъ нападалъ на духовныхъ лицъ и особенно на злоупотребленія могуществомъ и силою религіи». А такъ какъ, — говоритъ Толстой, — басня написана по-русски и для русскихъ, то «нельзя ли предположить съ большею вѣроятностью, что и стрѣлы ея направлены на какого-нибудь русскаго философа», или даже не имѣютъ въ виду отдѣльнаго лица? Свое возраженіе Толстой заканчиваетъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Baour-Lormian'у позаняться немного русской литературой. «Я увѣренъ» замѣчаетъ онъ: «что если онъ (Baour-Lormian) послѣдуетъ моему совѣту, то будетъ впредь болѣе справедливъ къ народу, который не перестаетъ удивлять великихъ людей Франціи, народу, который питалъ постоянную склонность къ французамъ преимущественно предъ всѣми другими націями и всегда шелъ по пути науки подъ покровительствомъ ихъ ученыхъ»¹⁾.

Когда въ 1825 г. въ Парижѣ вышла книга Alphonse Rabbe'a: «Resumé de l'histoire de Russie», Яковъ Николаевичъ выступилъ съ своими замѣчаніями²⁾ на это сочиненіе, съ цѣлью указать противорѣчія, неточности и исправить ошибки, которыми оно было наполнено, а также заступиться за русскихъ, на которыхъ авторъ сильно нападалъ въ своемъ трудѣ, взводя на нихъ разныя небылицы. А такихъ небылицъ въ тогдашнихъ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи встрѣчалось великое множество, и заграничные писатели были на нихъ очень тароваты. Не даромъ обозрѣватель «Московского Телеграфа» въ своей статьѣ «Извѣстія о Россіи и русской литературѣ, помѣщаемыя во французскихъ журналахъ», говорилъ: «Во Франціи и въ Германіи безпрестанно являются книги и журнальныя статьи, въ которыхъ говорятъ и толкуютъ о Россіи. Благодаримъ за вниманіе и съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Россія весьма занимаетъ нынѣ умы европейцевъ». «Жаль только», прибавляетъ онъ, «что извѣстія о насъ большею частью не вѣрны и ошибочны» и въ то же время выражаетъ пожеланіе, «чтобы нашлось у насъ нѣсколько человекъ, которые въ состояніи были бы

¹⁾ Рецензія на брошюру Толстого, написанная Е. Негеацъ, была помѣщена въ «Revue Encyclopédique» 1824 г., t. XXI, pp. 421—422.

²⁾ «Revue Encyclopédique» 1825 г., t. XXVI, pp. 531—534. О книгѣ Рабба и критикѣ на нее Толстого см. также «Моск. Телеграфъ» 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 358—359.

указывать ошибки французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторамъ и въ то же время могли бы сообщать имъ, что можно»¹⁾). Поэтому-то, когда появились замѣчанія Толстого на книгу Рабба, въ «Московскомъ Телеграфѣ» съ сочувствіемъ отмѣтили этотъ фактъ и благодарили Якова Николаевича, принявшаго на себя «посредничество между русскими и французами». Посредничество это выразилось въ томъ, что въ «Revue Encyclopédique», въ которомъ былъ отведенъ цѣлый отдѣлъ извѣстіямъ о Россіи²⁾, съ 1824 года стали появляться небольшія замѣтки Толстого о русской литературѣ, имѣвшія цѣлью знакомить французскую публику съ ходомъ нашей словесности. Не ограничиваясь этимъ, онъ даже перевелъ на французскій языкъ цѣлое сочиненіе С. В. Броневскаго о Кавказѣ³⁾ и представилъ его Географическому обществу для напечатанія⁴⁾, но дѣло это не состоялось. Относясь съ похвалою къ подобной дѣятельности Толстого, критикъ «Московского Телеграфа» указываетъ также и на промахи, сдѣланные Яковомъ Николаевичемъ въ его рецензіяхъ, помѣщенныхъ въ «Revue Encyclopédique».

Разборъ Толстымъ книги Рабба вызвалъ цѣлый рядъ опроверженій и возраженій со стороны послѣдняго. Вся полемика ихъ по этому поводу подробно разсказана въ «Московскомъ Телеграфѣ» П. А. Вяземскимъ, скрывшимся подъ буквами Г. Р.-К.⁵⁾ Вотъ почему возгорѣлся споръ. Раббъ въ одномъ мѣстѣ своего «Resumé» выразился, что русскіе напрасно производятъ слово славяне отъ корня слава; утверждалъ, что оно имѣетъ болѣе связи со словомъ esclave и называлъ поэтому славянъ эсклавами. Яковъ Николаевичъ, въ вышеуказанныхъ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Рабба, отвѣтилъ на это, что «историку слѣдовало бы знать, что слово esclave ничего не значитъ ни на славянскомъ, ни на русскомъ языкѣ, и что, слѣдовательно, игра словъ его совершенно неумѣстна. Пусть же г. Раббъ узнаетъ», прибавляетъ Толстой, «что esclave по-русски и по-славянски значитъ рабъ». Эта колкость сильно раздражила Рабба, и онъ напечаталъ возраженіе на замѣтку Толстого въ «Revue Encyclopédique», а затѣмъ въ «Courrier Français». На послѣднее опять таки возражалъ Толстой въ томъ

¹⁾ «Моск. Телеграфъ» 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 358.

²⁾ Видными владѣльцами въ этотъ отдѣлъ были: С. Д. Полторацкій и секретарь «Revue Encyclopédique» — Edme Négeau, жившій одно время въ Россіи, знавшій хорошо русскій языкъ и сотрудничавшій въ «Моск. Телеграфѣ» Статьи Полторацкаго и Геро указаны въ «Table décennale de la „Revue Encyclopédique“ (1819—1829), pag P. A. M. Miger. Paris, 1831, 2 v.

³⁾ «Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ». М. 1823

⁴⁾ «Моск. Телеграфъ» 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 360.

⁵⁾ «Москов. Телеграфъ» 1825 г., ч. V, стр. 261—267. Статья эта не вошла въ собраніе сочиненій князя Вяземскаго.

же «Французскомъ Курьерѣ» письмомъ отъ 15-го іюня 1825 г. ¹⁾, въ которомъ доказывалъ, что Раббъ совершенно напрасно такъ на него обидѣлся, и при этомъ исправлялъ еще нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ Раббомъ въ его отвѣтахъ. Однако, Раббъ не успокоился и послѣ этого, помѣстивъ еще одно письмо въ «Courrier Français».

Сотрудничество Якова Николаевича въ «Revue Encyclopédique», о которомъ мы упоминали выше, выразилось въ нѣсколькихъ статьяхъ, большею частью о новыхъ русскихъ книгахъ и альманахахъ. Статьи эти слѣдующія: рецензія на «Путешествіе по Тавридѣ» Муравьева-Апостола ²⁾, «Обзоръ главнѣйшихъ произведеній русской литературы, вышедшихъ въ послѣднее время» ³⁾, отзывъ о «Полярной Звѣздѣ» Вестужева и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига ⁴⁾, замѣтка «Объ изслѣдованіи сѣверныхъ береговъ Сибири» ⁵⁾, о засѣданіи Академіи наукъ ⁶⁾ и рецензія на «Евгенія Онѣгина» и «Наталью Долгорукую» (Козлова) ⁷⁾; наконецъ, онъ сообщилъ Е. Нёгеау нѣкоторые матеріалы для его статьи о цензурѣ въ Россіи ⁸⁾. Наиболѣе крупною статьею Толстого въ «Revue Encyclopédique» является некрологъ Карамзина, очень тепло написанный ⁹⁾.

Журнальная и полемическая дѣятельность Толстого обратила на себя вниманіе петербургскихъ литераторовъ, и въ 1827 г. князь Вяземскій, принимавшій самое дѣятельное участіе въ изданіи «Московского Телеграфа», поручилъ А. И. Тургеневу, бывшему въ то время въ Парижѣ, сговориться съ Толстымъ и привлечь его къ сотрудничеству въ «Московскомъ Телеграфѣ» ¹⁰⁾. Яковъ Николаевичъ былъ уже знакомъ въ это время съ Вяземскимъ, съ которымъ онъ переписывался, и которому, вѣроятно, понравилась его корреспонден-

¹⁾ Оно напечатано въ вышеупомянутой статьѣ князя Вяземскаго.

²⁾ „Revue Encyclopédique“ 1825 г., т. XXV, стр. 126—127.

³⁾ Тамъ же, т. XXVI, стр. 897—900.

⁴⁾ Тамъ же, т. XXVI, стр. 455—456.

⁵⁾ Тамъ же, 1824 г., т. XXIV, стр. 231—234.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXI, стр. 218—219.

⁷⁾ Тамъ же, 1828 г., т. XXXVIII, стр. 126—127. Почти всѣ они подписаны только буквой Т. О принадлежности ихъ Толстому см. „Table décennale de la „Revue Encyclopédique“ 1819—1829, par. P. A. M. Miger. Paris, 2-e partie, p. 549.

⁸⁾ „Revue Encyclopédique“ 1829 г., т. XLIV, p. 506.

⁹⁾ Тамъ же, 1826 г., т. XXXI, pp. 242—244 (о принадлежности его Толстому см. тамъ же, т. XXXII, p. 378 и „Table décennale...“).

¹⁰⁾ Знакомство князя Вяземскаго съ Толстымъ не прерывалось до самой смерти Якова Николаевича

ціи, помѣщенный въ «Сынъ Отечества»; къ тому же мы видѣли, что князь Петръ Андреевичъ сочувственно относился къ дѣятельности Толстого въ Парижѣ. Онъ предложилъ ему вознагражденіе за его сотрудничество. Между тѣмъ финансовыя дѣла Якова Николаевича находились въ это время въ самомъ неблагопріятномъ положеніи: у него было до 11.000 франковъ долгу; онъ обратился съ просьбою къ государю, умоляя его придти къ нему на помощь и снять съ него позорнѣе, навлеchenное на него участіемъ въ 14-мъ декабря, но въ отвѣтъ получилъ только, черезъ генерала Дибича, приказаніе возвратиться на службу. «Мнѣ объявили»,—пишетъ онъ брату 31-го января (12-го февраля) 1827 г. изъ Парижа ¹⁾,—«что моя отставка не была представлена государю ²⁾. Я отвѣтилъ посланнику, что, вопреки моему желанію подчиниться приказаніямъ моего начальства, мнѣ совершенно невозможно этого исполнить въ виду многочисленныхъ долговъ, которые я сдѣлалъ». «Я нахожусь въ ужаснѣйшемъ положеніи»,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ: «часто я вынужденъ быть безъ обѣда. мнѣ не на что купить сапогъ, я страдаю отъ голода, стыда и униженія; я былъ преслѣдуемъ за одинъ долгъ и долженъ былъ скрываться, чтобы избѣжать тюрьмы; меня стерегутъ въ домѣ, гдѣ я живу изъ милости. Я все продалъ, что имѣлъ: книги, вещи, платье... У меня остаются только мои пистолеты», трагически добавляетъ онъ...

Въ виду такого тяжелаго положенія, Яковъ Николаевичъ охотно согласился на предложеніе князя Вяземскаго, и вотъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1827 же годъ ³⁾ появляются «Отрывки писемъ изъ Парижа», подписанные инициалами «Я. Т». Въ нихъ Толстой сообщаетъ русскимъ читателямъ о парижскихъ новостяхъ дня, о новѣйшихъ изданіяхъ, по его мнѣнію интересныхъ, о театрѣ, о засѣданіяхъ Палаты и ораторахъ, которыхъ онъ тамъ слышалъ, о публичныхъ чтеніяхъ Вильмена и т. п. Но послѣ этихъ отрывковъ Толстой долго ничего не посылалъ въ «Московскій Телеграфъ», будучи занятъ мыслью о возвращеніи въ Россію и тревожимъ разными непріятностями. «Позволеніе вернуться изъ ссылки князю Ильѣ Долгорукову»,—писалъ онъ брату въ октябрѣ 1827 г.,—«заставляетъ меня думать, что правительство проститъ тѣхъ, которые оказались виновными ⁴⁾; это обстоятельство придаетъ мнѣ спокойствія на мой счетъ, не смотря на то, что нѣкоторые люди, которыхъ я зналъ въ Парижѣ и которые возвратились въ Россію,

¹⁾ Большая часть писемъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ нашей статьѣ, писана на французскомъ языкѣ и предлагается здѣсь въ переводѣ.

²⁾ Однако, въ формулярномъ спискѣ Толстого значится, что онъ еще 25-го ноября 1826 г. былъ «уволень въ отставку»

³⁾ Ч. XVII, отд. 2, стр. 52—54 и 106—111.

⁴⁾ Въ дѣлѣ 14-го декабря.

сообщили мнѣ извѣстія мало утѣшительныя и убѣдили меня даже не возвращаться такъ скоро. Последній случай, о которомъ я не говорилъ тебѣ въ письмахъ, боясь, что они не дойдутъ до тебя, и который меня очень тревожилъ,—это несправедливое обвиненіе меня въ томъ, что я авторъ одного гнуснаго пасквиля, напечатаннаго здѣсь въ одномъ журналѣ¹⁾. Я объяснился по этому поводу съ посланникомъ, доказавъ ему, что я не могъ быть его авторомъ по различнымъ несомнѣннымъ основаніямъ: во-первыхъ, я былъ въ Неаполѣ, когда статья эта появилась, слѣдовательно—физически невозможно, чтобы я ее составилъ. Я написалъ ему письмо, которое онъ переслалъ графу Нессельроде²⁾, и я льщу себя тѣмъ, что моя невинность признана». Естественно поэтому, что Толстому было некогда заниматься литературными корреспонденціями; только въ мартѣ 1828 г. въ «Московскомъ Телеграфѣ» появился³⁾ еще одинъ, уже послѣдній⁴⁾ «отрывокъ» письма его изъ Парижа отъ 13-го (25-го) января, въ которомъ онъ, какъ и въ первыхъ двухъ, даетъ читателю бѣглый обзоръ современныхъ явленій французской литературы.

Хотя Толстой, повидимому, долженъ былъ уже навсегда потерять надежду получить прощеніе отъ государя или выйти изъ запутаннаго финансоваго положенія, онъ, тѣмъ не менѣе, старался всѣми силами и способами возстановить репутацію вѣрноподданнаго. Желаніе это ясно просвѣчиваетъ во всѣхъ его литературныхъ работахъ, которыя быстро слѣдовали одна за другой, и въ которыхъ онъ, съ удивительною настойчивостью, старался заявить себя патриотомъ, не жалѣющимъ своихъ силъ для пользы и чести отечества. Какъ видно изъ его писемъ, онъ посылалъ свои сочиненія въ Россію, старался распространять ихъ среди сильныхъ міра сего, хлопоталъ о томъ, чтобы государю стала извѣстна его ревностная дѣятельность во славу Россіи. И, въ концѣ концовъ, черезъ 10 долгихъ, исполненныхъ лишеній, лѣтъ, Толстой добился своего: его опѣнили въ Петербургѣ и пригласили на службу... Посмотримъ, однако, въ чемъ выразилась дѣятельность Якова Николаевича въ теченіе этихъ 10-ти лѣтъ.

¹⁾ Вѣроятно, эта та самая статья въ „La France chrétienne“ 1826 г., о которой говоритъ Н. И. Тургеневъ. (См. выше, стр. 22).

²⁾ Письмо это переслано не было, что повело къ ряду новыхъ непріятностей для Якова Николаевича.

³⁾ Ч. XX, № 5, мартъ, стр. 113—118.

⁴⁾ „Отрывки изъ запасокъ русскаго въ Парижѣ въ 1829 г.“, напечатанные въ „Моск. Телеграфѣ“ 1831 г., ч. 42, стр. 3—18, какъ видно изъ ихъ содержанія, не принадлежатъ перу Я. Н. Толстого.

Раньше мы уже отмѣтили, что Толстой, векорѣ же по приѣздѣ въ Парижъ, принялъ на себя роль защитника всего русскаго отъ нападений, встрѣчавшихся во французской литературѣ. Обстоятельства давали ему возможность и удобные случаи къ поддержанію этой роли, въ которой онъ, съ нѣкотораго времени, видѣлъ единственный якорь спасенія. Къ тому же соотечественники, какъ мы уже видѣли, относились къ подобной дѣятельности его съ одобреніемъ и поощреніемъ¹⁾.

На коронаціи Николая I въ 1826 г. въ свитѣ представителя Франціи — маршала Martont — находился, между прочимъ, Жакъ Ансело (Ancelet), извѣстный и плодовитый французскій драматургъ. Пробывъ въ Россіи полъ-года²⁾, онъ, по возвращеніи въ Парижъ, издалъ свои наблюденія, вынесенныя изъ этого путешествія, въ книгѣ «Six mois en Russie; lettres à M. X.-B. Saintines en 1826», надѣлавшей въ Парижѣ большого шума и быстро раскупленной. Книга эта была переполнена ошибками, легкомысленными, часто смѣшными, обобщеніями и выводами, а главное — звучала пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему русскому. Поэтому Толстой не преминулъ написать на сочиненіе Ансело критику, которую онъ издалъ въ 1827 году отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Six mois suffisent-ils pour connaitre un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelet, intitulé «Six mois en Russie». Въ пре-

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ князь Вяземскій по поводу выхода возраженій Толстого на книгу Ансело: «Мы должны быть признательны нашему соотечественнику за хожденіе его по нашимъ дѣламъ и радсваться, что, наконецъ, нашелся у насъ генеральный консулъ по русской литературѣ; спасибо ему, что онъ не даетъ насъ беззащитно въ обиду иностранцамъ. До сей поры мы были внѣ общаго закона (hors la loi), и никакая власть не охраняла личной безопасности... Теперь есть хотя кому замолвить объ насъ доброе слово въ защиту или за упокой. Пожелаемъ нашему усердному заступнику счастливаго продолженія исполненія добровольной обязанности и уполючимъ его отъ лица грамотной Россіи отстаивать нашу честь и наши выгоды отъ притязаній европейскихъ грамотеевъ“ („Моск. Телегр.“ 1827 г., ч. XVI, стр. 154).

²⁾ Ансело былъ въ Царскомъ Селѣ, Кронштадтѣ, Петербургѣ, гдѣ, между прочимъ, познакомился со многими русскими литераторами, въ Новгородѣ, Валдаѣ и Москвѣ.

дисловіи къ ней Яковъ Николаевичъ говоритъ, что онъ написалъ свою книжку «въ интересахъ истины» и чтобы удовлетворить желанію нѣсколькихъ лицъ, которыя спрашивали его мнѣнія объ этомъ сочиненіи» (стр. 3) и что онъ противопоставляетъ шестимѣсячнымъ наблюденіямъ французскаго путешественника «опытность болѣе, чѣмъ тридцатилѣтняго пребыванія въ странѣ, которую тотъ описываетъ» (тамъ же). Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ опроверженій и указаній на мелкія, по большей части, ошибки, сдѣланныя Ансело въ его книгѣ ¹⁾. Возраженія Толстого были сочувственно встрѣчены, между прочимъ, на страницахъ «Московского Телеграфа», гдѣ уже раньше появился цѣлый рядъ замѣтокъ о книгѣ Ансело. Двѣ изъ статей въ этомъ журналѣ принадлежали перу князя П. А. Вяземскаго и были составлены имъ въ видѣ писемъ къ библиографу С. Д. Полторацкому. Въ первомъ изъ этихъ писемъ ²⁾ князь Вяземскій дѣлаетъ подробный разборъ книги Ансело, а во второмъ ³⁾—даетъ рецензію и на критику Толстого, при чемъ въ отзывѣ его, какъ указано выше, звучитъ ясное сочувствіе къ задачѣ, которую взялъ на себя Яковъ Николаевичъ. При сравненіи отзыва князя Вяземскаго о книгѣ Ансело и брошюры о томъ же Толстого, невольно бросается въ глаза разница въ тонѣ возраженій обоихъ рецензентовъ: первый критикуетъ добродушно, въ его словахъ звучитъ скорѣе пропія, чѣмъ * негодованіе на Ансело; съ нѣкоторыми мнѣніями его онъ даже соглашается; второй же нападаетъ на своего противника во всеоружіи своихъ познаній и патріотическихъ чувствъ и опровергаетъ его ошибки такимъ серьезнымъ тономъ, какъ

¹⁾ Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующую любопытную замѣтку въ своемъ дневникѣ по прочтеніи книги Ансело: „Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неигранной и непечатанной. Забавная словесность!“ (Соч., т. V, стр. 55).

²⁾ „Моск. Телегр.“ 1827 г., ч. XV, стр. 216—232 и Сочин., т. I, С.-Пб. 1870, стр. 232—245.

³⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 153—170 и Сочин., т. I, стр. 245—259.

будто сочиненіе Ансело есть дѣло первой величины, и его необходимо раскритиковать отъ первой строки до послѣдней; а иначе—Россия совершенно падетъ въ глазахъ иностранцевъ. Въ заключеніе своего разбора, Толстой говоритъ: «Книгѣ г. Ансело недостаетъ зрѣлости,—качества, приобретаемаго благодаря долгому пребыванію въ странѣ, и это позволяетъ мнѣ сдѣлать заключеніе, что «шести мѣсяцевъ недостаточно для того, чтобы узнать какую-нибудь страну» (стр. 32).

Подобный же характеръ черезчуръ ревностнаго патріотизма носить и критика Толстого на книжку нѣкоего Виктора Манье, вышедшую въ Парижѣ въ 1828 г. и вызванную статьей бар. Г. В. Жомина ¹⁾, помѣщенной въ «Journal de St.-Petersbourg» 1827 г. подъ заглавіемъ «Observations sur la dernière campagne de Turquie, par un officier d'Etat-major russe», а въ 1828 и 1829 г. вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ Петербургѣ и Парижѣ ²⁾. Противъ Жомина и его похвальныхъ отзывовъ объ успѣхахъ русскихъ въ Турецкую войну выступилъ отставной офицеръ французскаго генеральнаго штаба, бывший адъютантъ генерала Мезона Victor Magnier ³⁾, служившій въ кампанію 1828 года въ рядахъ турецкой арміи ⁴⁾ и побывавшій въ плѣну у русскихъ ⁵⁾. Онъ старался унизить и выставить ничтожными успѣхи русскаго оружія въ эту кампанію, а также значительно преувеличивалъ потери, понесенныя нами въ сраженіяхъ ⁶⁾. Толстой не замедлил возстать противъ Манье и напечаталъ въ свою очередь возраженіе на его «отвѣтъ» ⁷⁾. Здѣсь онъ старался доказать пристрастіе,

¹⁾ О принадлежности ея Жомина—см. „Revue Encyclopédique“ 1830 г. т. XLVIII, стр. 423 и G. Ghennady: „Les écrivains franco-russes“. Dresden. 1874, p. 75.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ она была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1829 (№ 1), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1829 г. (№ 4) и въ „Сынѣ Отечества“ 1829 г. (№ 1 и 2); на французскомъ языкѣ напечатана въ «Annuaire historique universel pour 1828», par C. L. Lesur. Paris. 1829, II, p. 120—129.

³⁾ Réponse aux Observations d'un officier d'Etat-major russe sur la dernière campagne de Turquie par Victor Magnier, officier d'Etat-major français, chevalier de la Légion d'honneur etc. Paris 1829 г. Сочувственный отзывъ о ней помѣщенъ въ «Revue Encyclopédique» 1829, t. XLI, p. 773.

⁴⁾ Возраженіе Толстого, русск. изд., стр. 29.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁶⁾ Разборъ книжки Жомина помѣщенъ былъ также и въ «Revue Encyclopédique» (1829 г., т. XLII, стр. 113—122 и 1830 г., т. XLVIII, стр. 423); критикъ вообще не сочувственно отзывался о „Замѣчаніяхъ“ Жомина, говоря, что они не даютъ ничего новаго сравнительно съ официальными русскими извѣстіями.

⁷⁾ „Réplique à la Réponse de M. Magnier aux Observations d'un officier d'Etat-major russe sur la dernière campagne de Turquie, par J. Tolstoy, ancien officier d'Etat-major russe. Paris. 1829. 42 стр. Статья Толстого въ пере-

съ которымъ относится Манье къ дѣйствіямъ русскихъ генераловъ и къ ихъ успѣхамъ въ войну 1828 г., а также отмѣчаетъ враждебное отношеніе къ Россіи со стороны французскихъ шовинистовъ. «Здравомыслящая часть французской націи», говоритъ онъ, «желала искренно успѣха нашему оружію; но непріязненная Россіи сторона бодрствовала въ безмолвіи и страхѣ; она скрытно дѣйствовала и доставляла парижанамъ журналы, наполненные извѣстіями, искаженными вліяніемъ турецкихъ приверженцевъ», съ завистью и страхомъ относившихся къ успѣхамъ русскихъ войскъ. Толстой возстаётъ съ негодованіемъ противъ сужденія Манье о томъ, напримѣръ, что «русскіе еще менѣе турокъ образованы» или, что они очень жестоки, а затѣмъ переходитъ къ обсужденію нашихъ военныхъ дѣйствій и, какъ слѣдуетъ ожидать, защищаетъ все, что было сдѣлано русскими полководцами и особенно кн. Паскевичемъ. О книгѣ Жюмини Толстой вообще отзывъ съ большой похвалой ¹⁾, а въ заключеніе съ ироніей замѣчаетъ, что ему остается только пожелать, «чтобы русскимъ Богъ далъ совершить другой такой же неудачный походъ, какъ походъ 1828 года». Послѣ этого Манье и Толстой еще разъ обмѣнялись возраженіями: первый напечаталъ «Réponse à M. le comte Tolstoy, chambellan de S. M. l'Empereur de Russie» ²⁾, а второй—«Deuxième réplique à M. Magnier» ³⁾; по поводу послѣдней книжки рецензентъ «Revue Encyclopédique» говорилъ, что нельзя не похвалить обѣ воевавшія стороны; такъ какъ и русскіе, и турки выказали во время войны много мужества и энергіи. Что же касается возраженій Якова Николаевича, то критикъ только замѣтилъ, что «нельзя не одобрить его за то, что онъ въ своей брошюрѣ сумѣлъ удержаться въ рамкахъ вѣжливости и приличій, которыхъ никогда не слѣдуетъ терять изъ виду. Въ этомъ отношеніи онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что его противникъ выказалъ съ своей стороны, по меньшей мѣрѣ, чрезмѣрную горячность» ⁴⁾.

По поводу выхода перваго «возраженія» Яковъ Николаевичъ пи-

водѣ на русскій языкъ была помѣщена въ журналѣ „Славянинъ“, издававшемся А. Ѳ. Воейковымъ (1829 г., ч. XXXV, стр. 275—314) и вышла тогда же отдѣльными оттисками. О полемикѣ Толстого съ Манье см. также „Annuaire historique universel pour 1828“, par C. L. Lesur, Paris. 1829. Appendice, pp. 120—126. Благопріятный для книжки Толстого отзывъ помѣщенъ въ „Revue Encyclopédique“ 1829 г., т. XCII, стр. 487—489.

¹⁾ Вообще русскіе журналы очень хвалили сочиненіе Жюмини, а въ „Московскомъ Телеграфѣ“ было сказано, что „превосходное и безпристрастное сочиненіе это достойно особеннаго вниманія наблюдателей“ (1829 г., ч. XXV, стр. 94—95).

²⁾ Paris. 1829, 46 стр. Толстой не былъ ни графомъ, ни камергеромъ.

³⁾ Paris. 1829, 44 стр.

⁴⁾ 1829 г., т. XLIII, стр. 187—188.

салъ брату 23-го апрѣля (5-го мая) 1829 г.: «Я не знаю, останутся ли мной довольны за изданную брошюру, но предвижу, что буду имѣть много непріятностей отъ писателей, враждебныхъ Россіи. Я полагаю, что наше правительство не будетъ ихъ желать мнѣ, но оно, быть можетъ, хотѣло бы болѣе лести; но эти средства ничего здѣсь не стоить и скорѣе, подрываютъ довѣріе къ сочиненіямъ такого рода. Я сдѣлалъ то, что могъ, а не то, что хотѣлъ; наконецъ, я рѣшилъ покориться всему: это, быть можетъ, выведетъ меня изъ настоящаго моего положенія; да и какова бы ни была судьба, которая мнѣ готовится; я всегда предпочту ее тому состоянію, въ которомъ томлюсь теперь...»

Грустное настроеніе Толстого, дѣйствительно, оправдывалось обстоятельствами, въ которыхъ онъ тогда находился. Въ письмѣ къ брату изъ Парижа отъ 8-го сентября 1829 года онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Исчерпавъ все источники для того, чтобы возстановить себя въ глазахъ вашего правительства, я выдержалъ борьбу, которая должна была окончиться принесеніемъ въ жертву моей жизни, что неизбѣжно случилось бы, если бы полиція намъ не помѣшала: ибо г. Манье долженъ былъ со мною драться. Но, къ несчастію, я былъ лишень сладкаго удовлетворенія пасть въ почетномъ бою и съ честью разстаться съ своимъ существованіемъ, полнымъ скорбей. И что же изъ этого вышло? Ничего хорошаго для меня, такъ какъ не хотѣлъ оцѣнить ни моего усердія, ни моего раскаянія ¹⁾, какъ будто бы я уже не былъ достаточно наказанъ! По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, и съ этого времени уже всякая надежда исчезла для меня. Я долженъ покориться и остатокъ дней моихъ провести въ изгнаніи, котораго не заслужилъ, изгнанія, которое тѣмъ тяжелѣе для меня, что оно отдѣляетъ меня отъ всего, что для меня дороже всего на свѣтѣ. Часто я начинаю думать объ ужасной будущности, которая меня ожидаетъ—и дрожу отъ ужаса! Неужели правда, что у меня навсегда отнята надежда увидѣть моего друга и моихъ родныхъ? Неужели осужденъ окончить дни мои въ ужаснѣйшемъ одиночествѣ и въ самой унизительной нищетѣ? Ибо я не обманываю себя: я знаю, что вскорѣ, когда тотъ остатокъ силъ, который у меня еще есть, меня покинетъ, и когда горе сгубитъ мои душевныя способности,—я буду вынужденъ существовать грубой работой; я знаю, что совершенное разореніе ожидаетъ меня, и нѣтъ никакой надежды, никакой даже тѣни утѣшенія нѣтъ у меня, въ жалкомъ будущемъ, которое угрожаетъ мнѣ, и къ которому я приближаюсь быстрыми шагами!»

Однако, на Толстого и его дѣятельность уже начали обращать вниманіе и смотрѣть благосклоннѣе: русскій посланникъ въ Парижѣ на-

¹⁾ Въ участіи въ дѣлѣ декабристовъ.

писалъ ему «очень лестное письмо» по поводу его возраженій Манье; повидимому, и въ Петербургѣ оцѣнили старанія Толстого: «Я очень счастливъ», пишетъ онъ брату 16-го (28-го) сентября 1829 г., «что мои брошюры понравились добрымъ людямъ; но, въ концѣ концовъ, во что онѣ мнѣ обошлись? Перспектива перерѣзать себѣ горло съ молмъ противникомъ! Мое печальное положеніе не измѣнилось ни на іоту; моего усердія и трудностей, которыя я вынесъ, не захотѣли оцѣнить! Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что легко было привести въ исполненіе попытку, за которую я взялся: я вышелъ на арену со всѣмъ однимъ противъ многочисленныхъ противниковъ, ибо во врагахъ мы не имѣемъ здѣсь недостатка. Я писалъ одинъ, лишенный необходимыхъ документовъ, и мнѣ нужно было имѣть хоть нѣсколько счастья, если не таланта, чтобы вывернуться изъ затруднительнаго положенія. Въ особенности мелкіе журналы ожесточились противъ меня; но, по счастью, я былъ достаточно ловокъ и не далъ имъ оружія противъ себя. И все это дало мнѣ лишь похвалы, безъ сомнѣнія лестныя для меня, со стороны просвѣщенныхъ и почтенныхъ людей, но не дало даже спасибо со стороны тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся вѣсы моей судьбы! Увѣряю тебя, что эта непреклонность отнимаетъ у меня всякую надежду».

Это было писано уже послѣ того, какъ появилась еще одна брошюра Толстого «Lettre d'un russe à un polonais à l'occasion du hatich-scherif de Sa Hautesse le sultan Mahmoud» (Paris. 1829). Она была вызвана гата-шерифомъ султана, приглашавшаго поляковъ возстать противъ Россіи и тѣмъ помочь ему въ его борьбѣ съ врагомъ ¹⁾. Въ этомъ, не лишенномъ остроумія письмѣ (оно вышло безъ подписи автора), написанномъ въ шутовомъ, насмѣшливомъ тонѣ, Толстой старается склонить своего «полусоотечественника» какъ можно скорѣе согласиться на предложеніе султана. Онъ съ ироніей рисуется его добродѣтели, которыми-де онъ одаренъ въ высокой степени: храбрость, вѣрность данному слову, справедливость, кротость и безкорыстіе, и противопоставляетъ имъ качества русскаго государя. «Не вздумайте читать», говоритъ онъ, «глупое «Возраженіе» г. Толстого, который хвалитъ достоинства императора Николая, ко вреду его страшнаго врага. По совѣсти, что сдѣлалъ этотъ государь? Онъ выставилъ самого себя и самъ находился во главѣ своихъ войскъ, давая ходъ дѣйствіямъ ²⁾. Тѣ люди, которые съ удивленіемъ смотрятъ на него, въ правѣ утверждать, что онъ не сдѣлалъ ошибокъ, и часто тѣ,

¹⁾ Книжка эта написана въ первой половинѣ 1829 г., а Андрианопольскій миръ, закончившій Турецкую войну, былъ заключенъ 2-го сентября 1829 года.

²⁾ Въ Турецкую войну 1828 г.

которыя приписываются ему друзьями Махмуда, доставляли ему еще большія выгоды. Тѣ же самые друзья единогласно утверждаютъ, что султанъ и его паши также много сдѣлали ошибокъ, но что если бы они лучше сражались, если бы они выказали больше искусства въ своей защитѣ ¹⁾, то султанъ былъ бы уже въ Петербургѣ, празднуя свой Байрамъ въ Зимнемъ Дворцѣ» ²⁾. Высмѣивая, далѣе, трусливость Махмуда, Толстой продолжаетъ: «Сравните эти черты отваги съ отвагой русскаго монарха, около котораго (и это—истина) было убито нѣсколько адъютантовъ; который въ одинъ изъ переѣздовъ своихъ изъ Гарны въ Одессу ³⁾, во время одной изъ самыхъ ужасныхъ на памяти людей бурь, разражавшихся на Черномъ морѣ, оставался спокойнымъ посреди опасностей, уподобляясь тому римлянину, который говорилъ «ты везешь Цезаря и его счастье», и который, по приѣздѣ въ Одессу, не слегъ больной, какъ его величество султанъ, а продолжалъ путешествіе къ своей столицѣ. Вы согласитесь», заключаетъ онъ, «что тутъ не можетъ быть никакого сравненія!». («Lettre...», стр. 8). «Торопитесь же», пригласаетъ Толстой своего «полу-соотечественника», «оказаться послушными голосу это бородатаго монарха, двоюроднаго брата и близнеца луны, этого родича всѣхъ планетъ и постоянныхъ звѣздъ, этого племянника Большой Медвѣдницы и брата Скорпіона и другихъ созвѣздій! Торопитесь, говорю я, возстать въ массѣ, чтобы поддержать его непрочный престоль: это доставитъ вамъ вѣчное счастье въ этомъ свѣтѣ и удобное ложе на девятомъ небѣ» ⁴⁾.

Наряду съ подobenными вышеприведеннымъ работами Толстой задумывалъ и другія, желая, главнымъ образомъ, поправить свое трудное финансовое положеніе путемъ различныхъ компиляцій, переводовъ и т. под., такъ какъ отъ изданія ихъ онъ рассчитывалъ получить выгоды. «Я началъ большую работу», читаемъ въ его письмѣ отъ 18-го мая 1829 г., «которая, если я ее окончу, можетъ быть для меня очень прибыль-

¹⁾ Насмѣшка надъ выраженіями V. Magnier въ его «Réponse».

²⁾ «Lettre...», стр. 6—7.

³⁾ Со 2-го по 8-е октября 1828 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 12 Толстой, очевидно, не подозревалъ, что императоръ Николай, несмотря на войну съ Турціей, питалъ къ просвѣщенному султану-преобразователю чувство глубокаго уваженія, которое впоследствии упрочилось еще болѣе. Этимъ-то, должно быть, и объясняется то, что русская цензура не пропустила въ Петербургѣ «письма» Толстого. «Я очень огорченъ», писалъ Яковъ Николаевичъ брату 15-го іюня 1830 года, «что цензура задержала „Lettre d'un russe“. Это доказываетъ, что на мое шутовое сочиненіе не посмотрѣли благосклонно. Итакъ, я старался напрасно для служенія нашему дѣлу. Одинъ журналъ сказалъ, скромно добавляетъ Толстой, «что этотъ родъ любезностей—тонкій, легкій, извѣтный и со вкусомъ написанный, напоминаетъ манеру Вольтера».

на: это—исторія Россіи. Я предполагаю свести «Исторію» Карамзина въ три тома, или даже въ два—по расчету, который я сдѣлалъ въ планѣ. Книгопродавецъ общаетъ мнѣ большіе барыши, но, чтобы получить ихъ, надо сдѣлать и большіе расходы. До сихъ поръ я получалъ только убытки, такъ какъ всѣ изданныя мною брошюры потребовали значительныхъ расходовъ на печатаніе, а я ихъ сдѣлалъ на свой счетъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1830 г., Яковъ Николаевичъ проситъ прислать ему русскихъ книгъ: «Съ вѣкотсраго времени», пишетъ онъ, «меня приглашаютъ переводить русскіе историческіе романы (и дѣлаютъ очень выгодныя предложенія), равно какъ и мемуары. Между первыми только-что появились переводы двухъ романовъ: Булгарина и Загоскина ¹⁾; что касается мемуаровъ, то пришли мнѣ Храповицкаго, Миниха, Шаховскаго: изъ этого я могу извлечь выгоду». Но ни одно изъ этихъ предпріятій Толстого, насколько намъ извѣстно, не осуществилось. А между тѣмъ его дѣла все ухудшались, и положеніе становилось невыносимымъ: въ 1830 г. у него было долговъ уже болѣе, чѣмъ на 29 тысячъ франковъ. Последнее обстоятельство было тѣмъ болѣе ужасно, что въ концѣ 1830 г. послѣдовалъ указъ императора Николая, повелѣвавшій всѣмъ русскимъ, въ виду только-что совершившихся событій іюльской революціи и послѣдовавшихъ затѣмъ беспорядковъ въ Парижѣ, выѣхать изъ Франціи ²⁾. «Ты знаешь», писалъ Яковъ Николаевичъ брату изъ Парижа 13-го декабря 1830 г., «что мы получили формальное приказаніе покинуть Францію; ты можешь судить объ ужасныхъ моихъ страданіяхъ, зная, что я вынужденъ здѣсь остаться и какъ бы не повиноваться повелѣніямъ моего монарха, тогда какъ я сгораю отъ желанія имъ послѣдовать. При первомъ извѣщеніи, которое намъ было сдѣлано по этому поводу по приказанію посланника, я написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ причины, мѣшающія мнѣ послѣдовать его приказанію; кромѣ того, мои кредиторы, узнавъ изъ газетъ, что русскимъ велѣно покинуть Францію, объявили мнѣ формально, что они воспротивятся моему отъѣзду, и одинъ изъ нихъ даже былъ у префекта полиціи, прося его задержать мой паспортъ!»

Несмотря на денежную поддержку, которую Якову Николаевичу

¹⁾ Романъ Булгарина—„Ivan Wyjguine ou le Gilblas russe. Traduit du russe par Ferry de Pigny“ 4 v. Paris. 1829; романъ Загоскина—„Youry Mijoslavsky, ou la Russie en 1612. Roman, traduit du russe par M-me S(ophie) S(onrad), née d'Ott.“ Paris. 1831. Этими двумя переводами было начато изданіе собранія русскихъ романовъ, предпринятое книгопродавцемъ Госселепомъ („Сѣв. Пчела“ 1830 г., № 92).

²⁾ См. о томъ же „Записки“ А. И. Кошелева. Берлинъ. 1884, стр. 38, 40—41.

оказали его братья, онъ по неволѣ долженъ былъ остаться въ Парижѣ, чѣмъ снова навлекалъ на себя неудовольствіе русскаго правительства. Существовалъ онъ изо дня въ день и страшно бѣдствовалъ; повидимому, онъ работалъ въ журналахъ ¹⁾; получалъ также пенсію по ордену Анны 3 ст. (200 р.) и небольшой доходъ съ своего тверскаго имѣнія, но денегъ этихъ, по его же словамъ, не хватало даже на уплату процентовъ ²⁾... Поистинѣ интересны всѣ тѣ способы, къ которымъ Толстой прибѣгалъ въ особенно затруднительныхъ случаяхъ. Въ его письмахъ читаемъ откровенные рассказы о томъ, какъ онъ пускался въ картячную игру, покупать и продавалъ акціи и т. п.; чаще же всего занималъ деньги въ долгъ у русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ...

Въ числѣ литературныхъ работъ Якова Николаевича за этотъ же періодъ укажемъ на его участіе въ изданіи, предпринятомъ извѣстнымъ статистикомъ и географомъ Адрианомъ Бальби (р. 1782 †1848) и вышедшемъ въ 1829 г. подъ заглавіемъ «L'empire russe, comparé aux principes états du monde» ³⁾. Здѣсь Яковъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, какъ онъ выражается, сообщилъ Бальби много свѣдѣній по интересовавшему его вопросу. Но въ чемъ, ближайшимъ образомъ, выразилось участіе его—намъ подлинно неизвѣстно ⁴⁾. Затѣмъ, въ 1834 г. Яковъ Николаевичъ издалъ брошюру ⁵⁾ по поводу вышедшихъ въ предыдущемъ году «Mémoires» герцогини Абрантесъ

¹⁾ Такъ, на обложкѣ журнала „L'Europe littéraire“ 1833 г. (t. I) указано, что Я. Н. Толстой составилъ для этого изданія очеркъ русской литературы. Но въ вышедшихъ 2-хъ томахъ „Europe littéraire“, послѣ которыхъ журналъ прекратился, статьи Толстого пѣтр. Н. И. Гречъ, самъ сотрудничавшій въ этомъ изданіи (см. № 54, 3-го іюля 1833 г., стр. 218), написалъ „Обозрѣніе русской литературы въ 1833 г.“ въ видѣ письма къ Я. Н. Толстому въ Парижъ и сообщилъ его Якову Николаевичу, желая помочь ему въ его задачѣ. Письмо Греча напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г., т. I, стр. 159 и сл. и въ „Сочиненіяхъ“ его, т. III, С.-Пб. 1855, стр. 340—369.

²⁾ Къ тому же, имѣніе это въ 1835 г., вслѣдствіе неявки Я. Н. въ Россію, было взято въ опеку (Арх. Мин. нар. просв., дѣло № 128.221).

³⁾ Яковъ Николаевичъ, въ письмѣ къ брату отъ 15-го іюня 1830 г. называетъ трудъ Бальби «Tableau synoptique de le statistique russe», но такого сочиненія, насколько намъ извѣстно, не выходило.

⁴⁾ Въ 1826 г. въ Парижѣ вышелъ „Atlas ethnographique du globe...“ составленный Бальби; здѣсь помѣщена статья „Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie“, доставленная ему „однимъ русскимъ писателемъ“ Но статья эта не принадлежитъ Толстому.

⁵⁾ G. Ghennady. Les écrivains franco-russes. Dresde. 1874 p. 75: „Rectifications de quelques légères erreurs de M-me la duchesse d'Abrantès“ (dans ses mémoires), par un russe. Paris. 1834, 46 p. Ея не оказалось въ Императорской публичной библіотекѣ

(р. 1785 †1838) о временахъ революціи, имперіи и реставраціи Бурбоновъ¹⁾. Можно предполагать, что и здѣсь Толстой является исключительно въ роли защитника Россіи отъ обвиненій противъ нея, которыя попадаютъ у герцогини. Когда же въ 1834 году та же герцогиня Абрантесъ выступила съ книгой, посвященной жизнеописанію императрицы Екатерины II²⁾, Толстой обрушился на нее съ объемистымъ (111 стр.) возраженіемъ, которому далъ заглавіе «Lettre d'un russe à un russe. Simple réponse au pamphlet de M-me la duchesse d'Abrantès, intitulé «Catherine II»³⁾. Чтобы не утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ того и другого сочиненія, мы ограничимся приведеніемъ словъ В. А. Вильбасова, сказанныхъ имъ объ обѣихъ книгахъ въ XII томѣ «Исторіи Екатерины II»⁴⁾. О сочиненіи герцогини г. Вильбасовъ говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни оригинальныхъ освѣщеній; событія и годы перепутаны, дѣла искажены, личности изуродованы. Надо полагать», замѣчаетъ онъ, «что авторъ имѣлъ въ виду исключительно бросить на книжный рынокъ ходкій товаръ, способный доставить наибольшій заработокъ»⁵⁾. Но отзывъ г. Вильбасова о возраженіи Толстого еще болѣе рѣзокъ. «Отвѣтъ», говоритъ онъ, «значительно невѣжественнѣе памфлета. Тѣ ошибки и невѣрности, которыя встрѣчаются въ книгѣ герцогини Абрантесъ, французенки, вовсе не знающей Россіи и пишущей со словъ другихъ, вполнѣ понятны; незнаніе же русской исторіи «русскимъ» критикомъ герцогини непростительно... Авторъ брошюры, Я. Н. Толстой, воспитанникъ Пажескаго корпуса, въ которомъ ничему серьезно не учили, гвардіи штабсъ-капитанъ, позже русскій агентъ въ Парижѣ, преклоняется предъ «notre magnanime empereur»⁶⁾, но безсиленъ и немощенъ даже предъ герцогиней Абрантесъ. Онъ до того невѣжественъ, что даже не подозреваетъ о существованіи Степана Малаго и по поводу его появленія⁷⁾ восклицаетъ: «notre historien confond Pougatcheff avec je ne sais quel moine Stephano»⁸⁾, а рассказъ герцогини о Таракановой⁹⁾ называетъ «une des

¹⁾ Отрывки изъ нихъ были напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ». 1833 г., ч. 50, № 7.

²⁾ Catherine II, par Madame la duchesse d'Abrantès. Paris. 1834 и Bruxelles. 1835.

³⁾ Paris. 1835.

⁴⁾ Ч. II, Берлинъ, стр. 199—200 и 204—205.

⁵⁾ Дѣйствительно, герц. Абрантесъ, овдовѣвъ въ 1813 г. и оставшись безъ всякихъ средствъ, вынуждена была жить исключительно литературнымъ трудомъ. Ея „Catherine II“ выдержала 4 изданія.

⁶⁾ Lettre..., р. 1: „нашимъ великодушнымъ императоромъ“.

⁷⁾ Catherine II, р. 156.

⁸⁾ Lettre..., р. 14: „нашъ историкъ (то-есть герцогиня) смѣшиваетъ Пугачева съ какимъ-то монахомъ Степаномъ“.

⁹⁾ Catherine II, р. 224.

inventions les plus lâches et les plus odieuses»¹⁾. Толстой съ ужасомъ отвергаетъ «une union secrète de l'impératrice Elisabeth»²⁾, о которомъ въ настоящее время говорится даже въ официальномъ изданіи, предназначенномъ для армейскихъ поручиковъ (Лееръ, VI, 370). Толстой называетъ сочиненіе герцогини Абрантесъ «une méchante action et un mauvais livre»³⁾, «un récit fantastique»⁴⁾, «un pamphlet le plus obscur»⁵⁾ и противопоставляетъ ей лишь вздорныя фразы, будто въ его время «la Russie, à la voix du maître intelligent et énergique qui la gouverne, entre dans la véritable civilisation des peuples»⁶⁾.

Мы не будемъ, конечно, удивляться подобному тону книги, если вспомнимъ ту тайную мысль, которая водила перомъ Толстого при составленіи какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ его литературныхъ трудовъ. Читателю же Яковъ Николаевичъ заявлялъ, что если онъ и взялся защищать Екатерину отъ наветовъ герцогини Абрантесъ, то онъ это сдѣлалъ «не для нея, Екатерины, а для себя самого, чтобы исполнить свой долгъ: не допустить безнаказанно печатать клевету, которая унижаетъ исторію, низводя ее на степень памфлета»⁷⁾, хотя раньше и замѣчалъ, что измышленія герцогини «заслуживаютъ поистинѣ только улыбку изумленія и жалости»⁸⁾.

Наконецъ, Толстому представился случай, давшій ему возможность приобрести могущественнаго покровителя и ходатая. «Я уже совсѣмъ собрался ѣхать» (въ Россію), говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3-го сентября 1835 г. изъ Парижа, «когда братъ фельдмаршала Паскевича обратился ко мнѣ съ просьбой составить біографію его славнаго брата. Я не могъ отказаться отъ подобнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что изъ этого предусматривались для меня большія выгоды». Толстой, конечно, согласился на предложеніе, немедленно же взялся за дѣло, и черезъ два мѣсяца работы уже появился въ свѣтъ «Essai biographique et historique sur le feld-maréchal prince de Varsavie comte Paskévitch d'Erivan»⁹⁾. Мы не станемъ долго остана-

¹⁾ Lettre..., р. 79: „однимъ изъ самыхъ гнусныхъ и возмутительныхъ измышленій“.

²⁾ Lettre..., р. 80 „тайный бракъ императрицы Елизаветы“.

³⁾ Тамъ же, стр. 5: „отвратительнымъ поступкомъ и скверною книгой“.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7: „фантастическимъ рассказомъ“.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 68: „самымъ гнуснымъ памфлетомъ“.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 1: „Россія, по гласу мудраго и энергичнаго государя, который ею управляетъ, вступаетъ въ семью истинно просвѣщенныхъ народовъ“.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 90.

⁸⁾ Lettre..., стр. 61.

⁹⁾ Paris. 1835, 285 стр. Книга украшена портретомъ Паскевича и картой военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. Сочиненіе Толстого было переведено на польскій языкъ Викентіемъ Заювчковскимъ и издано въ Варшавѣ въ

вливаться на этомъ произведеніи Толстого, такъ какъ цѣль, съ которою оно было написано, уже заранѣе даетъ возможность сдѣлать заключеніе объ его характерѣ и тонѣ. Написано оно прекраснымъ французскимъ языкомъ, прекрасно издано, но изложеніе отличается напыщенностью и громкими фразами, наполненными лестию, бьющей въ глаза¹⁾. Однако, Паскевичъ остался очень доволенъ панегирикомъ Толстого, сразу же почувствовалъ къ нему расположеніе и началъ хлопотать за него въ высшихъ сферахъ. И дѣйствительно, книга эта, по свидѣтельству И. Г. Головина окончательно «помирила Толстого съ правительствомъ»²⁾...

Итакъ, мечты Якова Николаевича приближались къ осуществленію. Стремясь вновь поступить на службу, онъ хотѣлъ, при этомъ, устроиться такъ, чтобы получить возможность остаться жить по-прежнему въ Парижѣ. Уже въ концѣ 1829 г. онъ выражалъ брату это желаніе. а въ письмѣ отъ 13-го августа 1830 г. прямо указывалъ ему на то, что составляло его давнишнюю мечту. «Если бъ наше правительство захотѣло употребить меня здѣсь», писалъ онъ, «я бы могъ принести ему большую пользу, такъ какъ я знаю превосходно Парижъ, знаю духовную его сторону и нахожусь въ сношеніяхъ съ вліятельными людьми; но мнѣ нельзя ихъ поддерживать по причинѣ моей крайней нищеты. Если бы Закревскій, Меншиковъ³⁾ и другіе захотѣли бы возстановить мою честь въ глазахъ его величества и употребить меня въ дѣло здѣсь, то я бы могъ быть очень полезенъ. Но это тщетныя и коварныя мечты», прибавлялъ онъ въ то же время. Однако, въ августѣ 1836 г. Яковъ Николаевичъ получил отношеніе гр. А. Х. Бенкендорфа, который вызывалъ его въ Петербургъ. 7-го октября онъ съ радостью писалъ брату слѣдующее: «Я получилъ отъ кн. Элима Мещерскаго письмо; онъ увѣ-

1840 г. (изд. 1-е и 2-е) и 1841 г. (изд. 3-е), при чемъ переводчикъ удержалъ всѣ обвиненія Толстого противъ поляковъ по поводу ихъ возстанія и даже тѣ, болѣе, чѣмъ неслышныя, отзвывы и эпитеты, которыми Толстой награждаетъ ихъ въ своемъ трудѣ.

¹⁾ Биографія заключается на стр. 7—202 и излагаетъ участіе Паскевича во всѣхъ войнахъ Россіи, начиная съ 1805 г. и кончая Польскимъ возстаніемъ 1831 г., а затѣмъ идетъ (стр. 205—285) рядъ „оправдательныхъ документовъ“ (pièces justificatives), относящихся до войны 1828—1829 гг. Изъ примѣчаній на стр. 46-й видно, что Толстой былъ хорошо знакомъ съ Грибоѣдовымъ, котораго онъ называетъ «однимъ изъ ближайшихъ друзей» своихъ. Мы видѣли выше, что они встрѣчались у кн. А. А. Шаховскаго еще въ 1818—1819 году.

²⁾ Записки Ивана Головина. Лейпцигъ. 1859, стр. 77.

³⁾ Гр. Арс. Андр. Закревскій былъ начальникомъ Якова Николаевича въ Главномъ Штабѣ, а кн. А. С. Меншиковъ былъ въ то время директоромъ его канцеляріи.

домляетъ меня, что его величество удостоилъ бросить взоръ свой на меня, и что гр. Бенкендорфъ поручилъ ему извѣстить меня. что вскорѣ я получу предложеніе быть употребленнымъ въ Парижѣ, что мои обязанности будутъ обнимать литературную часть и журналистику, но что для этого надо будетъ мнѣ совершить поѣздки въ Россію, чтобы лично познакомиться съ гр. Бенкендорфомъ и сговориться о родѣ моихъ будущихъ занятій. Эта новость исполнила меня радостью и возвратила меня къ жизни!» Изъ другого письма Якова Николаевича (отъ 12-го октября 1836 г.) видно, что хлопоты объ его опредѣленіи на службу въ Парижѣ началъ передъ Бенкендорфомъ самъ кн. Э. П. Мещерскій, который, состоя при Парижскомъ посольствѣ, также «имѣлъ порученіе по части ученой и литературной»¹⁾. «Недавно онъ долженъ былъ, по обстоятельствамъ, покинуть Парижъ и мѣсто свое», рассказываетъ Толстой. «Возвратясь въ Россію, онъ удостовѣрилъ начальство, что сіе мѣсто не должно бы упразднить, что оно нужно, полезно и, наконецъ, что никто болѣе меня неспособенъ исправлять сію должность. Вслѣдствіе сего гр. Бенкендорфъ поручилъ ему объявить мнѣ, что я вскорѣ получу предложеніе занять сіе мѣсто съ жалованіемъ по 6.000 р. въ годъ, но что прежде всего нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нимъ. Первая часть предложенія прекрасна, безподобна! но вторая ввергаетъ меня въ отчаяніе: гдѣ достану я 7.000, необходимыхъ на это? А не ѣхать—прогуляю прекрасное и совершенно по моему вкусу и способностямъ мѣсто»... Однако, денежные затрудненія вскорѣ уладились благодаря тому, что императоръ Николай приказалъ выдать Якову Николаевичу 10.000 рублей въ Парижѣ на уплату долговъ²⁾. 1-го января 1837 г. онъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ 14-ти лѣтняго отсутствія изъ Россіи, а 29-го января 1837 г., въ тотъ самый день, какъ другъ его молодости—Пушкинъ—въ страданіяхъ доживалъ свои послѣдніе часы, гр. А. Х. Бенкендорфъ

¹⁾ Кн. Элимъ Петровичъ Мещерскій; поэтъ и литераторъ († камергеромъ, въ Парижѣ, 2-го ноября 1844 г.) въ іюль 1833 г., съ согласія гр. Поццо-ди-Борго, былъ назначенъ С. С. Уваровымъ къ исправленію должности корреспондента Министерства народнаго просвѣщенія и получалъ за это по 2.000 р. въ годъ одновременно, по-прежнему оставаясь и при посольствѣ. Обязанностью кн. Мещерскаго было сообщеніе министру свѣдѣній «о ходѣ и направленіи современнаго просвѣщенія во Франціи». Онъ велъ переписку съ Уваровымъ, и нѣкоторыя его корреспонденціи были напечатаны въ „Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія“. Въ званіи корреспондента кн. Мещерскій оставался до 26-го апрѣля 1840 г. (Арх. Мин. нар. просв. д. д. №№ 127.937 и 128.210). Изъ дѣла о немъ не видно, въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ гр. Бенкендорфу.

²⁾ Въ это время они простирались уже до 46.000 фр. (письмо къ брату Николаю Николаевичу Толстому изъ Петербурга отъ 24-го февраля (1837 г.).

писалъ С. С. Уварову, бывшему въ то время управляющимъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, слѣдующее письмо:

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволил: отставнаго гвардіи штабсъ-капитана Якова Толстого назначить корреспондентомъ Министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, куда онъ вслѣдъ за симъ долженъ отправиться. О сей высочайшей волѣ я честь имѣю сообщить вашему превосходительству для вашего къ исполненію по оной распоряженія, пребывая и проч.»¹⁾

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало и второе отношеніе гр. Бенкендорфа, отъ 12-го февраля, о назначеніи Толстому, по высочайшему повелѣнію, жалованья въ размѣрѣ 3.800 р. въ годъ, при чемъ деньги эти должны были пересылаться Главнымъ казначействомъ по третямъ въ III Отдѣленіе, а оттуда уже направляться къ Толстому²⁾.

Въ Петербургѣ Яковъ Николаевичъ устроилъ свои имущественныя дѣла—освободилъ изъ-подъ опеки свое имѣніе, получилъ впередъ 1000 асс. на расходы по корреспонденціи, сверхъ того, проѣзжая черезъ Варшаву, заручился обѣщаніемъ кн. Паскевича на покровительство въ дальнѣйшемъ и въ іюнѣ 1837 г. выѣхалъ въ Парижъ, къ мѣсту своего новаго служенія³⁾.

Должность, которую занялъ Толстой съ этого времени и на которой оставался почти до самой своей смерти, была крайне загадочная и неопредѣленная. Такъ, мѣсто его не считалось служебнымъ⁴⁾, а между тѣмъ онъ своевременно получалъ чины и ордена; по Министерству народнаго просвѣщенія онъ не состоялъ на службѣ, однако

¹⁾ Архивъ Минист. народн. просвѣщ.: „Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія (№ 128.221) по отношенію генераль-адъютанта гр. Бенкендорфа о назначеніи отставнаго гвардіи штабсъ-капитана Якова Толстого корреспондентомъ Министерства народнаго просвѣщенія“.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ сентябрѣ 1837 г. въ Вѣнѣ съ Толстымъ встрѣтился Н. И. Гречъ, совершавшій тогда путешествіе по Европѣ: онъ отмѣтилъ эту встрѣчу въ своихъ „Путевыхъ письмахъ изъ Англіи, Германіи и Франціи“ (ч. III. С.-Пб. 1839 г., стр. 158—159). Здѣсь онъ называетъ Якова Николаевича „стариннымъ своимъ пріателемъ“. Съ Гречемъ Толстой познакомился, вѣроятно заочно, со времени своего сотрудничества въ „Сынѣ Отечества“ 1823 года. Гречъ съ этихъ поръ поддерживалъ съ Яковымъ Николаевичемъ постоянныя сношенія. Такъ, въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г. онъ напечаталъ письмо къ нему о русской словесности 1833 г. (см. выше, стр. 39), а въ 1854 г. помѣстилъ два „Русскихъ письма“ къ Толстому въ своей „Сѣверной Пчелѣ“ (№№ 49 и 66).

⁴⁾ Архивъ Минист. народн. просв.: отношеніе гр. С. С. Уварова къ кн. А. Н. Голицыну отъ 3-го іюня 1837 г.

былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и дѣло объ его опредѣленіи сохранилось въ архивѣ этого министерства; въ то же время онъ числился «по особымъ порученіямъ» при III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи¹⁾ и даже на службу опредѣленъ былъ по «отношенію» гр. Бенкендорфа. По словамъ Якова Николаевича, мѣсто его «было единственное, не опредѣленное никакими штатами» и создано было съ цѣлью «защитенія Россіи въ журналахъ»²⁾ и опроверженія статей, противныхъ Россіи³⁾. Кроме этой, такъ сказать, литературной стороны, на Толстомъ лежала еще обязанность имѣть постоянныя сношенія какъ съ министромъ народнаго просвѣщенія, такъ и съ управляющимъ III Отдѣленіемъ⁴⁾, такъ какъ оба одинаково являлись его начальниками. Сверхъ того, онъ писалъ въ Петербургъ, особенно въ концѣ каждаго года, официальные депеши и сообщенія, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно⁵⁾. Бывали и еще какія-то неопредѣленныя порученія, входившія въ разрядъ «особыхъ». Такъ, напримѣръ, Ив. Гавр. Головинъ передаетъ рассказъ Толстого о томъ, какъ въ 1838 или 1839 г. ему «было поручено снестись съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ „Journal des débats“ и пригласить его прекратить такого рода публикаціи»⁶⁾. Въ одномъ письмѣ къ брату Николаю Николаевичу отъ 11-го (23-го) марта 1852 г.) Яковъ Николаевичъ, рассказывая о своей дѣятельности въ Парижѣ, говоритъ, между прочимъ, что онъ «писалъ политическія депеши о состояніи Франціи, о теченіи дѣлъ, о переворотахъ, о борьбахъ партій и вообще обо всемъ, касающемся до высшей политики Европы». «Эти депеши», прибавляетъ онъ, «нравилась и теперь еще читаются съ удовольствіемъ, судя по тому, что ко мнѣ пишутъ».

Относительно сношеній Толстого, въ частности, съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія и объ ихъ характерѣ можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія по письму къ Якову Николаевичу кн. П. А. Вяземскаго⁷⁾ отъ 11-го декабря 1856 г. Хотя оно писано уже въ такое

¹⁾ Архивъ Мин. нар. просв.

²⁾ Письмо къ брату Н. Н. Толстому отъ 11/23-го марта 1852 г.

³⁾ Записки Ивана Головина. Лейпцигъ. 1859 г., стр. 76.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 77.

⁵⁾ Ни одной изъ корреспонденцій Толстого не сохранилось въ архивѣ Минист. народн. просв.

⁶⁾ Записки Ив. Головина, стр. 78. Рѣчь идетъ объ *Lettres sur l'empire de Russie*, печатавшихся въ „Journal des débats“ 1838 и 1839 г. Анатолиемъ Никол. Демидовымъ (р. 1810†1871).

⁷⁾ Князь Вяземскій велъ частую переписку съ Толстымъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Указаніе на нее можно найти въ собраніи сочиненій князя Вяземскаго (т. I, стр. 222 и т. X, стр. 58—69 (письмо къ Я. Н.) и 130) въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетнева“ (т. III, С.-Пб. 1885 г., стр. 440) и

позднее время, однако можно думать, что содержаніе его равно относится и ко времени болѣе раннему, то-есть, что кругъ обязанностей Толстого къ министерству за все время его службы оставался въ томъ же положеніи и не измѣнялся. Вотъ что писалъ «конфиденціально» Якову Николаевичу кн. Вяземскій, бывший въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія ¹⁾.

«Я доводилъ до свѣдѣнія г. министра ²⁾ о содержаніи письма вашего ко мнѣ. Авраамъ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы возобновили прерванные ваши сношенія съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія ³⁾ и просить васъ впредь сообщать ему по временамъ наблюденія ваши за ходомъ наукъ, литературы и учебнаго преподаванія во Франціи. Подобные отчеты могутъ быть двоякаго рода: одни—бѣглые и конфиденціальныя, другіе—въ объемѣ болѣе обширномъ и такъ составленныя, чтобы они могли цѣликомъ или выписками быть печатаемы въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ⁴⁾. Въ отношеніи къ первымъ можете вы дать вашимъ свѣдѣніямъ и замѣчаніямъ полную волю и совершенный просторъ; въ отношеніи къ послѣднимъ желательнo, чтобы они держались нѣкотораго систематическаго порядка, и обращено было преимущественное вниманіе на состояніе преподаванія въ учебныхъ

въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ (т. III, С. Пб 1896 г. стр. 649).

¹⁾ Печатается съ черновика, написаннаго неизвѣстнымъ почеркомъ, но съ собственноручными поправками кн. Вяземскаго (Арх. Минист. народн. просв.).

²⁾ Абр. Серг. Норова (р. 1795+1869).

³⁾ Въ мартѣ 1854 г. Яковъ Николаевичъ, по причинѣ тогдашнихъ политическихъ событій и разрыва Россіи съ Франціей, долженъ былъ покинуть Парижъ и переселиться въ Брюссель; здѣсь онъ провелъ болѣе года и работалъ въ выходившей въ Брюссель газетѣ „Le Nord“, получавшей субсидію отъ русскаго правительства. Въ свѣдѣніи о отсутствіи изъ Парижа Яковъ Николаевичъ не могъ исполнять своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей въ теченіе этого времени, и сношенія его съ министерствомъ прекратились. Поэтому, въ началѣ 1856 г. А. С. Норовъ дважды писалъ гр. А. Ф. Орлову, тогдашнему шефу жандармовъ, что онъ не получаетъ отъ Толстого никакихъ донесеній и даже не имѣетъ свѣдѣній о мѣстѣ его нахождения и спрашивалъ, поэтому, продолжать ли считать Толстого на службѣ, тѣмъ болѣе, что онъ получаетъ большое жалованье. Но, по всеподданнѣйшему докладу кн. В. А. Долгорукова, 4-го октября 1856 г. императоръ Александръ II изъявилъ желаніе, чтобы Толстой остался въ Парижѣ „на прежнемъ основаніи“ (Архивъ Мин. нар. просвѣщ.), ибо онъ и въ то время продолжалъ исполнять свои „особыя“ порученія по III Отдѣленію..

⁴⁾ Извлеченія изъ отчетовъ этихъ если и печатались, то безъ подписи автора, а потому трудно сказать, въ чемъ собственно состояли сообщенія Толстого въ Министерство.

заведенійхъ, на публичныя курсы, читаемыя въ Парижѣ знаменитѣйшими профессорами, — словомъ, на все то, что и вообще и непосредственно входитъ въ кругъ дѣятельности нашего министерства ¹⁾. Министръ также проситъ васъ высылать ему и замѣчательнѣйшія книги, которыя выходятъ по этимъ частямъ, то-есть, по наукѣ, литературѣ и педагогикѣ, а также и русскія книги, вышедшія и выходящія за-границею, какъ-то въ Лондонѣ и другихъ городахъ ²⁾. Что касается до русскіихъ книгъ, то пересылать ихъ не иначе, какъ съ нашими курьерами, за посольскою печатью ³⁾ и адресовать ихъ въ собственныя руки министра. На приобрѣтеніе книгъ назначается въ распоряженіе ваше отъ министерства въ годъ до 500 франковъ; счета на израсходованныя суммы можете вы присылать по третямъ, и они будутъ своевременно уплачиваемы и деньги вамъ высылаемы.

«По министерству сдѣлано распоряженіе, чтобы съ будущаго года получали вы «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а равно получите вы и отчеты министра, дабы вы могли имѣть полное понятіе о дѣйствіяхъ министерства и слѣдить отчасти за ходомъ литературы нашей, а вмѣстѣ съ тѣмъ извлекать, по усмотрѣнію вашему, свѣдѣнія для сообщенія французскимъ журналамъ, для исправленія ложныхъ понятій и слуховъ, нерѣдко ими о насъ передаваемыхъ.

«Извѣстная ваша любовь къ дѣлу просвѣщенія и прежніе ваши литературные труды даютъ министерству полную надежду, что оно будетъ имѣть въ васъ дѣятельнаго и полезнаго корреспондента. Кн. Вяземскій» ⁴⁾.

Несмотря на это, трудно, все-таки, съ точностью опредѣлить кругъ обязанностей, лежавшихъ на Толстомъ. Изъ дѣла о немъ, хранящагося въ

¹⁾ Отчетовъ втораго рода не сохранилось въ дѣлахъ архива Мин. нар. просвѣщ.

²⁾ Изъ дѣла архива Мин. нар. просвѣщ. видно, что Толстой, дѣйствительно, покупалъ для Министерства, за счетъ отпускаемой ему спеціальной суммы, книги на русскомъ и французскомъ языкахъ, выходившія за-границей и запрещенныя въ Россіи, напр: „Полярную Звѣзду“ Герцена, „Колоколъ“, „Голоса изъ Россіи“, „Юморъ“, разныя летучіе листы, „Mémoires le l'Impératrice Catherine II“, „Petersbourg et Moscou“ par L. Godard, „Esquisse historique sur Moscou“, „Souvenirs d' un voyage en Sibirie“ и т. пол.

³⁾ 29-го декабря 1848 г. Яковъ Николаевичъ, имѣя уже чинъ статскаго совѣтника, былъ причисленъ къ русскому посольству въ Парижѣ (формуляръ).

⁴⁾ Письмо это, какъ мы видѣли, было написано въ то время, когда положеніе Толстого сильно пошатнулось, и онъ даже могъ опасаться потерять свое мѣсто. Вѣроятно, кн. Вяземскій, какъ старинный пріятель Якова Николаевича, съ своей стороны хлопоталъ за него передъ Норовымъ, доказавъ ему необходимость Толстого за границей и далъ ему вышеприведенную инструкцію.

архивъ Министерства народнаго просвѣщенія, видно, что онъ, дѣйстви-
тельно, присылалъ, время отъ времени, министрамъ и получалъ отъ нихъ
какіе-то пакеты, писалъ имъ какія-то «донесенія», но въ чемъ послед-
нія заключались,—намъ неизвѣстно. Та же загадочность въ положеніи
Толстого видна и въ отношеніяхъ его къ III Отдѣленію. Повидимому,
и самъ Яковъ Николаевичъ тяготился своею неопредѣленностью и
зависимостью отъ двухъ начальниковъ, и поэтому-то часто являлось у
него желаніе перемѣнить свою службу. «Что касается меня»,
писалъ онъ брату изъ Парижа 6-го (18-го) ноября 1848 г., «то я нахо-
жусь въ ожиданіи прочнаго (stable) мѣста, которое мнѣ было обѣщано¹⁾;
но, ожидая, я все стою на одной точкѣ, при чемъ въ глазахъ моихъ
соотечественниковъ слышу за подозрительнаго повѣреннаго, а въ гла-
захъ нѣкоторыхъ французовъ—даже за тайнаго агента²⁾. Это ложное
положеніе составляетъ одно изъ мученій моей жизни». И дѣйствительно,
служебныя обязанности Толстого заставляли его быть постоянно среди
людей самыхъ разнообразныхъ направленій, вслушиваться въ ихъ раз-
говоры, наблюдать за ними и тѣмъ самымъ, конечно, навлекать на
себя подозрѣнія; къ тому же, его служебное положеніе не могло не
сдѣлаться извѣстнымъ. Въ 1842 г. съ нимъ встрѣтился въ Парижѣ
В. А. Мухановъ, и вотъ что отмѣтилъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Встрѣ-
тился» (2-го января), «на минуту съ Я. Толстымъ: прошли немного вмѣстѣ,
но скоро я его оставилъ. Какъ видно, ограниченный кружокъ, въ кото-
ромъ онъ вращается, дѣлаетъ его менѣе занимательнымъ. При встрѣчѣ
съ кѣмъ-либо, онъ скорѣе спрашиваетъ, чѣмъ рассказываетъ
самъ, потому что все, что онъ можетъ рассказать, относится къ про-
шедшему, а въ наше время, когда все извѣстно, прошедшаго почти
никто не знаетъ. Вслѣдствіе этого онъ представляетъ интересъ только
въ томъ отношеніи, что обладаетъ многими свѣдѣніями относительно
Франціи, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 20 лѣтъ. За все это время
онъ почти не покидалъ ея и, находясь съ людьми много свѣдущими,
при счастливой памяти, извлекалъ изъ нихъ свѣдѣнія»³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, Яковъ Николаевичъ дѣйтельно посѣщалъ литера-
турные салоны (напримѣръ, французскаго министра народнаго просвѣ-
щенія Сальванди), публичныя лекціи, литературныя и общественныя
собранія, театры, посольскіе обѣды и т. п. Съ русскими, пріѣзжавшими
въ Парижъ, онъ также спѣшилъ познакомиться и сойтись поближе,
стараясь при этомъ сдѣлаться имъ полезнымъ и руководить ихъ въ

¹⁾ Мѣсто русскаго генеральнаго консула въ Парижѣ.

²⁾ Любопытные рассказы объ этомъ передаются въ „Запискахъ“ Ив
Гавр. Головина (Лейпцигъ. 1859, стр. 112—114).

³⁾ „Изъ дневныхъ записокъ В. А. Муханова. 1836—1855 г.“—„Русск
Архивъ“ 1897 г., № 2, стр. 76, 77, 78, 278.

водоворотѣ парижской жизни¹⁾. Такъ, у него въ Парижѣ бывали или
встрѣчались съ нимъ: А. И. Тургеневъ, П. А. Плетневъ²⁾, С. П. Ше-
выревъ³⁾, Н. И. Гречъ, М. П. Погодинъ⁴⁾, И. Г. Головинъ⁵⁾, и
многіе другіе. Но большую часть времени Яковъ Николаевичъ по-
прежнему посвящалъ литературнымъ занятіямъ, сотрудничая въ жур-
налахъ⁶⁾ и издавая книги своего сочиненія, къ прерванному обзору
которыхъ мы теперь снова обратимся, стараясь, по возможности, быть
краткими.

Въ 1839 г. Яковъ Николаевичъ издалъ въ Парижѣ брошюру «*Coup
d'oeil sur la législation russe, suivi d'un léger aperçu sur l'administration
de ce pays*» (172 стр.). Изложенію Толстой предпослалъ небольшое пре-
дисловіе, въ которомъ говоритъ, что «все законодательства покоются
на непреложныхъ истинахъ, которыя нельзя отвергать, чтобы не на-
нести рану нравственному чувству; но если естественное право едино,
то примѣненіе его къ человѣческимъ интересамъ разнообразится, какъ
эти послѣдніе» (стр. 1). Поэтому, причину того, что въ Россіи долго не
было единаго законодательства, онъ видитъ въ огромномъ числѣ обы-
чаевъ, нравовъ и вѣроисповѣданій тѣхъ разнообразныхъ народностей,
которыя населяли наше отечество (стр. 5). Но, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе
мы должны удивляться поистинѣ быстрымъ успѣхамъ законодательной
работы въ Россіи; къ тому же, русскіе не имѣли и никакихъ образцовъ,
которыя могли бы послужить въ помощь при кодификаціи, подобно па-
мятникамъ римскаго права, послужившимъ при законодательныхъ ра-
ботахъ на западѣ. Самая исторія законодательства въ Россіи изложена
Толстымъ сухо, лишь съ одной виѣшней стороны и не представляетъ,
поэтому, ничего интереснаго. Любопытно только, что онъ, говоря о
судѣ присяжныхъ (стр. 20), заявляетъ себя врагомъ этого «несовер-
шеннаго» института и говоритъ, что послѣдній «не достоинъ цивилизо-

¹⁾ По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго „все русскіе, посѣщавшіе Па-
рижъ, находили въ немъ усерднаго и многосвѣдущаго путеводителя. Онъ во
многомъ совершенно о п а р и ж и л с я, но оставался русскимъ до сердцевины,
до мозга костей“ (Сочиненія, т. I, стр. 245).

²⁾ См. „Сочиненія и переписку П. А. Плетнева“, т. III, С.-Пб. 1885,
стр. 430, 434, 440, 455, 458, 488, 508.

³⁾ „Изъ коллекціи автографовъ Императорской Публичной Библиотеки“,
С.-Пб. 1898, стр. 115, 118.

⁴⁾ „Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ“, ч. III, М. 1844,
стр. 223.

⁵⁾ Записки. Лейпцигъ. 1858, passim.

⁶⁾ Такъ, онъ помѣщалъ статьи въ „Le Nord“, „La France“ (1838), „Quoti-
dienne“ (1845), въ „La Légion d'honneur“ (1860) и др.

ваннаго государства, гдѣ законы должны рѣшать участь подсудимыхъ, при посредствѣ органовъ власти, а не при помощи людей, часто не знакомыхъ съ самыми простыми понятіями о правѣ. «Не всегда бываетъ достаточно», говоритъ онъ, «одной чистой совѣсти и здраваго смысла, чтобы отыскать истину въ сложномъ дѣлѣ, способномъ запутать самаго опытнаго юриста». Но, насколько сухо вышло у Толстого изложеніе исторической части его книжки, настолько повѣствованіе о законодательной и административной дѣятельности Николая I заставляетъ его сердце исполниться восторгомъ, чтобы произносить громкія фразы по адресу императора ¹⁾...

Въ 1842 г. вышелъ въ Парижѣ переводъ Толстого—сочиненія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго «Le passage de la Bérésina» ²⁾, а черезъ два года Толстой снова выступилъ въ качествѣ защитника Россіи противъ обвиненій иностранца. На этотъ разъ пищу его патриотизму далъ маркизъ Кюстинъ.

Маркизъ Астольфъ Кюстинъ (р. 1790 † 1857), извѣстный французскій литераторъ и путешественникъ, въ половинѣ 1839 г. пріѣхалъ въ Россію, гдѣ и прожилъ до конца октября; по возвращеніи оттуда онъ занялся обработкой впечатлѣній своей поѣздки и въ началѣ 1843 г. издалъ ихъ въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ «La Russie en 1839», въ 4-хъ томахъ мелкой печати ³⁾. Сочиненіе это вызвало на автора изъ Россіи цѣлую бурю негодованія, упрековъ и обвиненій въ пристрастіи, ошибкахъ и т. п. Дѣйствительно, книга Кюстина не лишена нѣкоторыхъ фактическихъ ошибокъ, однако, въ общемъ, содержитъ множество мѣткихъ наблюденій, характеристикъ, замѣчаній и писана отнюдь не во враждебномъ къ Россіи тонѣ. Приведемъ, напримѣръ, отзывъ А. И. Герцена; пробѣжавъ четвертый томъ сочиненія Кюстина, онъ замѣчалъ о немъ: «безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокой взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ обрачкамъ до-

¹⁾ Николаю I и его дѣятельности посвящено больше половины брошюры (стр. 81—172)

²⁾ Traduit du russe du général Danilevsky, d'après les documents authentiques, ornés de douze plans de batailles et de positions et précédé d'un avant-propos (du traducteur) Paris. 1842, 8°, 258 стр. (G. Ghennady. „Les écrivains franco-russes“. Dresde. 1874, p. 75).

³⁾ Книга Кюстина выдержала 10 изданій на французскомъ языкѣ и была переведена на нѣмецкій, англійскій и датскій языки. Отрывки изъ нея въ русскомъ переводѣ сообщены въ „Русскую Старину“ Н. К. Шильдеромъ (1891 г., т. 69, стр. 145—184 и 407—430 и 1893 г., т. 73, стр. 109—120 и 383—394).

гадаться о массѣ. Всего лучше», говоритъ Герценъ, «онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвастовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности... Тягостно вліяніе этой книги на русскаго», замѣчаетъ онъ; «голова склоняется на грудь, и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста и миришься съ нимъ за многое и болѣе всего—за любовь къ народу»...¹⁾ Но большинство русскихъ встрѣтило книгу Кюстина враждебно. Такъ, императоръ Николай, прочитавъ ее, бросилъ ее на полъ, сказавъ: «Моя вина; зачѣмъ я говорилъ съ этимъ негодяемъ!» ²⁾. Жуковскій спрашивалъ А. Я. Булгакова, читалъ ли онъ «собаку-Кюстина» ³⁾, называлъ его «лицемѣрнымъ болтуномъ», однако замѣчалъ, что «нападать надобно не на книгу, ибо въ ней много правды, но на Кюстина» ⁴⁾. О. И. Тютчевъ, написавшій по поводу книги Кюстина цѣлую брошюру ⁵⁾, выразился о ней не менѣе рѣзко, сказавъ, что она «служитъ новымъ доказательствомъ того умственного безстыдства и духовнаго растленія (отличительной черты нашего времени, особенно во Франціи), благодаря которому позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ, дерзаютъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ, бывало, относились къ критическому разбору водевиля». Но Тютчевъ не брался *защитить* Россію, говоря, что ея «истинный защитникъ—исторія», такъ какъ «ею въ теченіе трехъ столѣтій неустанно разрѣшаются въ пользу Россіи всѣ испытанія, которымъ подвергаетъ она свою таинственную судьбу» ⁶⁾. Однако, какъ и можно ожидать, явились и *защитники*, о которыхъ тотъ же Тютчевъ выразился, что они представляются ему «людьми, которые, въ избыткѣ усердія, въ состояніи посмѣшно поднять свой зонтикъ, чтобы предохранить отъ дневного зноя вершину Мойблана» ⁷⁾. Въ числѣ этихъ «слишкомъ простыхъ», по выраженію Тютчева ⁸⁾, защитниковъ оказались: Н. И. Гречъ ⁹⁾,

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, т. I, Женева. 1875, стр. 142—143.

²⁾ Записки Ив. Головина. Лейпцигъ. 1859, стр. 93.

³⁾ Сочиненія, изд. 7-е, т. VI, С.-Пб. 1878, стр. 556.

⁴⁾ Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. С.-Пб. 1895, стр. 297.

⁵⁾ Lettre d'un russe à m-r Gust Kolb, rédacteur de la „Gazette Universelle“. Munich. 1844. Переводъ этой брошюры напечатанъ, вмѣстѣ съ оригиналомъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., т. II, стр. 1993—2019.

⁶⁾ „Русскій Архивъ“ 1873, т. II, стр. 1994—1995.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 1995.

⁸⁾ Тамъ же.

⁹⁾ 1) Examen de l'ouvrage de M. de Custine „La Russie en 1839“. Trad. du russe par A. Kouznetzoff. Paris. 1844 (id. Bruxelles. 1844 и на нѣмецкомъ

затѣмъ—Ксав. Ксав. Лабенскій, старшій совѣтникъ Министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾, и, наконецъ, Я. Н. Толстой, издавшій книги: «La Russie en 1839, revée par Mr. de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Francfort» (Paris. 1844., IV+112 стр., подъ псевдонимомъ J. Jakovleff) и «Lettre d'un russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse anti-russe» ²⁾. Намъ кажется излишнимъ входить въ подробный разборъ этихъ книжекъ Толстого, такъ какъ ничего новаго онѣ дать намъ не могутъ: онѣ проникнуты тѣмъ же патріотическимъ тономъ, какъ и всѣ прежнія подобныя его произведенія. Припомнимъ, къ тому же, что теперь было его *обязанностью* вступаться за Россію во что бы то ни стало..

Въ 1848 г. Якову Николаевичу одно время грозила опасность лишиться расположенія своего могущественнаго покровителя кн. Паскевича. Дѣло возникло изъ-за стараго сочиненія Толстого, посвященнаго біографіи фельдмаршала. А именно, въ «Journal des débats» отъ 9-го марта 1848 г. было помѣщено письмо къ редактору А. М. Обрескова (р. 1790 † 1885), бывшаго посланника нашего въ Туринѣ, а тогда проживавшаго въ Неаполь, къ Якову Николаевичу. Въ этомъ письмѣ Обресковъ выражалъ запоздалое удивленіе и негодованіе на то, что Толстой, говоря въ своей книгѣ о заключеніи Туркманчайскаго договора, не упомянулъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ его, Обрескова. Къ этому онъ при-совокуплялъ, что онъ «не раздѣляетъ мнѣній Толстого насчетъ военныхъ достоинствъ и заслугъ героя его, хотя вѣрить искренности похвалъ; что такъ какъ брошюра, вѣроятно, была читана кн. Паскевичемъ и одобрена имъ къ печати, то онъ считаетъ его виновнымъ въ непростительномъ и обидномъ пропускѣ (omission), и что на сей конецъ онъ издастъ особое сочиненіе, появленіе котораго, вѣроятно, не слишкомъ будетъ пріятно фельдмаршалу» ³⁾. Конечно, Толстой забылъ тревогу и не зналъ, что ему дѣлать, тѣмъ болѣе, что лишень былъ возможности отвѣчать Обрескову. Вотъ что рассказывалъ онъ, годъ спустя, въ письмѣ къ брату Николаю. «Нѣкто Обресковъ... былъ дипломатическимъ чиновникомъ при графѣ Эриванскомъ во время Персидскаго похода, за что получилъ, кромѣ чина и ленты, 300 тысячъ рублей награжденія. Но, будучи взбалмочнымъ человекомъ, онъ не довольствовался этою истинно-щедрою царскою ми-

языкъ—Heidelberg, 2 изданія) и 2) „Réponse à un article de M. St.-Marc-Girardin“ (dans „Journal des débats“, 14 Mars 1844). Carlsruhe. 1844.

¹⁾ „Un mot sur l'ouvrage de M. Custine, intitulé „La Russie en 1839“. Paris. 1843, изд. 2-е тамъ же, 1845 (нѣмецкій переводъ—Берлинъ. 1844 и англійскій—Лондонъ 1844).

²⁾ 31 стр. Письмо помѣчено: „Петербургъ, февраль 1844“ и обращено къ St.-Marc-Girardin.

³⁾ „Русская Старина“ 1892, т. LXXV, замѣтки С. Д. Полторацкаго.

лостью, негодовалъ, ругалъ правительство и фельдмаршала, говоря, что ему слѣдуетъ милліонъ, потому что Туркманчайскій договоръ заключилъ онъ, а не фельдмаршалъ; писалъ къ нему дерзкія письма и, наконецъ, вышелъ въ отставку и поселился за границей. Во время февральской революціи онъ напечаталъ въ «Journal des débats» письмо ко мнѣ, что я, въ сочиненіи моемъ «Біографія фельдмаршала Паскевича», приписалъ этому полководцу заключеніе мира, а не ему, причемъ весьма невыгодно отзывался насчетъ князя Варшавскаго. Такъ какъ это письмо появилось во время сильнѣйшаго періода здѣшней революціи, французскимъ журналамъ было тогда не до насъ, и ни одна газета не хотѣла печатать моего отвѣта и полемической переписки двухъ русскихъ по предмету, имъ совершенно чуждому, а потому я и ожидалъ удобнѣйшаго времени, чтобы отвѣчать Обрескову. Между тѣмъ я получилъ отъ графа Орлова ¹⁾ приказаніе отнюдь не возражать на эту статью. Несмотря на это, фельдмаршалъ негодуетъ на меня...». «Ты не можешь себѣ вообразить,—говоритъ онъ далѣе—до какой степени князь Варшавскій сдѣлался жестокъ въ обхожденіи съ подчиненными, особенно послѣ послѣдней кампаніи ²⁾, въ продолженіе которой не только своихъ, но даже австрійскихъ генераловъ распекать ругательски, такъ что князь Шварценбергъ, первый министръ австрійскій, былъ посланъ нарочно въ Варшаву просить о смѣнѣ его, и, если бы венгерцы не сдались, то, можетъ быть, его бы смѣнили. Однажды генерала-отъ-пифантеріи Берга ³⁾ разругалъ при всѣхъ безъ всякаго милосердія, генерала князя Горчакова ⁴⁾ трактуетъ, какъ мальчишку. Пріятель мой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гильфердингъ ⁵⁾, который управлялъ дипломатическою канцелярією его, не могъ ужиться и вышелъ отъ него, вотъ по какому случаю. Фельдмаршалъ одинъ разъ въ недѣлю давалъ обѣды въ Варшавѣ иностраннымъ консуламъ, и во время этихъ обѣдовъ Гильфердингъ присутствовалъ какъ-бы въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Однажды за такимъ обѣдомъ Гильфердингъ сталъ выхвалять Шато-бриана; фельдмаршалъ противорѣчилъ ему, но, не нашедъ довольно сильныхъ доводовъ, чтобы опровергнуть мнѣніе его, всталъ изъ-за стола, пылая гнѣвомъ, и, подошедъ къ Гильфердингу, сказалъ: «Пошелъ вонъ, дуракъ, скотина!» и выгналъ его изъ-за стола. Вотъ тебѣ описа-

¹⁾ Алексѣя Федоровича, тогда шефа жандармовъ.

²⁾ Венгерской, 1849 г.

³⁾ Федора Федоровича, впоследствии графа, фельдмаршала и наместника Царства Польскаго.

⁴⁾ Михаила Дмитріевича, впоследствии наместника Царства Польскаго.

⁵⁾ Федоръ Ивановичъ, бывшій затѣмъ директоромъ государственнаго архива (р. 26-го іюля 1798 † 5-го января 1864).

ніе характера фельдмаршала, затмевающего высокія воинскія достоинства его»...

Понятно, поэтому, что и Толстой не могъ быть вполне спокойнымъ за себя и за свою безопасность, а потому онъ рѣшилъ составить продолженіе своего панегирика князю Паскевичу, полагая тѣмъ «разсѣять тучу и возратить милостивое расположеніе русскаго героя»¹⁾. Вышедшая въ концѣ 1849 г. вторая часть біографіи Паскевича²⁾ посвящена прославленію дѣяній фельдмаршала въ Венгерскую кампанію 1849 года. Предваряется она «Введеніемъ» (стр. I—XIV), въ которомъ Толстой распространяется о вредѣ революцій вообще, объ ихъ противоестественности и бесполезности и замѣчаетъ, между прочимъ, что «изъ всѣхъ революцій наиболѣе опасной по своимъ стремленіямъ была, безъ сомнѣнія, Французская революція 1848 г. и ея «сестры»: Вѣнская, Франкфуртская, Сицилійская и Римская (стр. 10)». Онъ особенно восхваляетъ миссію Россіи въ дѣлѣ прекращенія Венгерскаго возстанія, представляющаго, по его мнѣнію, «послѣдній актъ той драмы, которая возмутила и возбудила міръ—драмы, узелъ которой Россія разрубила тупой стороною своего меча». Затѣмъ слѣдуетъ «историческій очеркъ Венгріи» (стр. 1—52), изложеніе военныхъ дѣйствій (стр. 53—178) и эпилогъ (стр. 181—238). Вотъ, напр., какими выраженіями Толстой разсѣивалъ «тучу», собравшуюся надъ его головой вслѣдствіе недовольства фельдмаршала: «Людовикъ XIV и Петръ Великій умѣли выбирать людей; императоръ Николай, который не одной чертой походить на этихъ двухъ государей, не менѣе ихъ умѣетъ избирать орудія для своего могущества. Онъ далъ новое доказательство подобнаго такта, столь цѣннаго въ государяхъ, поручивъ фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому князю Варшавскому начальство надъ дѣломъ возстановленія, исполненнымъ русскими войсками въ Венгріи. Обожаемый солдатами, окруженный обаяніемъ военнаго гения, который, послѣ трехъ войнъ, столь славно оконченныхъ, признанъ громогласно, князь Паскевичъ былъ наиболѣе способенъ, какъ никто другой, исполнить миссію, на которую его призвало просвѣщенное довѣріе его государя» (стр. 202) и т. п., и т. п.

Литературная дѣятельность Толстого заключается тремя небольшими брошюрками: «Lettre sur l'état de la Turquie et la crise actuelle» (Paris. 1853), въ которой ему принадлежатъ предисловіе и заключеніе; «Le comte Paul Kisséleff, ambassadeur de Russie près S. M. l'empereur des Français» (Paris. 1860),—коротенькая біографія, написанная Яковомъ

¹⁾ Изъ того же письма къ брату.

²⁾ „Relation des opérations de l'armée russe en Hongrie sous les ordres du feld-maréchal prince de Varsovie comte Paskévitch d'Erivan. Précédée d'un aperçu historique sur la Hongrie. Avec une carte de Hongrie“. Paris. 1850.

Николаевичемъ для журнала «La Légion d'honneur» (іюль 1860 г.) по случаю пожалованія этого ордена графу П. Д. Киселеву Наполеономъ III, и «La vérité vraie sur la Pologne» (Paris. 1861),—брошюра, въ которой авторъ разсматриваетъ исторію Польши, ея отношенія къ Россіи и доказываетъ, что она не можетъ существовать иначе, какъ подъ скипетромъ русскаго царя.

Въ описываемый нами періодъ времени Толстой почти безвыѣздно проживалъ въ Парижѣ¹⁾; подъ конецъ жизни онъ снова возымѣлъ мысль о переходѣ на службу въ Россію и даже пріѣзжалъ съ этою цѣлью въ Петербургъ, гдѣ бесплодно провелъ около года, такъ какъ хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Парижъ. Судьба неумолимо преслѣдовала Толстого всю его жизнь: онъ до послѣднихъ своихъ дней долженъ былъ возиться съ долгами, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться. Въ 1864 году, возвратившись снова въ Парижъ, онъ съ грустью писалъ своему племяннику—Н. Н. Толстому: «Дошедши до послѣдней станціи земного моего пути, я безъ ужаса смотрю на приближеніе конца моей жизни, въ продолженіе которой я встрѣчалъ 200% горести на краткія наслажденія; но, впрочемъ, желалъ бы умереть на родинѣ»... Но и этому послѣднему желанію Якова Николаевича не суждено было исполниться: 19-го іюня 1866 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и пенсіей въ 2.000 рублей, а вскорѣ, 15-го (27-го) февраля 1867 г., скончался въ Парижѣ²⁾; здѣсь онъ и погребенъ на кладбищѣ Père-Lachaise³⁾.

Толстой умеръ совершенно одинокимъ, а потому и имущество его пропало, повидимому, безслѣдно. Объ этомъ стоить пожалѣть, такъ какъ среди него должно было находиться не мало интересныхъ книгъ, документовъ, которые онъ собиралъ⁴⁾, и писемъ многихъ замѣчательныхъ людей Европы и Россіи, съ которыми ему приходилось сталкиваться на пути своей почти восьмидесятилѣтней жизни.

¹⁾ Въ Россію онъ пріѣзжалъ, послѣ поступленія на службу, въ 1839, 1840, 1844, 1845 и 1863—1864 гг., въ большинствѣ случаевъ на самое короткое время.

²⁾ Сообщеніе В. В. Руммеля.

³⁾ Сообщеніе М. С. Толстой.

⁴⁾ Въ 1847 г. Толстой прислалъ графу Уварову 33 рукописи по русской и французской исторіи, „собранныхъ“ (?) имъ въ государственныхъ архивахъ и бібліотекахъ Парижа, для предоставленія ихъ государю. Императоръ Николай наградилъ Толстого брилліантовымъ перстнемъ, а часть рукописей передалъ въ Императорскую Публичную бібліотеку (Архивъ мин. нар. просвѣщ. д. № 2290, 1847 г.).